

Kalina

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

МНОГО ШУМА И...
НИЧЕГО

СЕКРЕТЫ
ДАМСКОЙ
ОХОТЫ

Дарья Александровна Калинина

Много шума и... ничего

текст получен от правообладателя
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121640

Аннотация

Не каждый день лишаешься новой машины. Есть от чего занервничать! Суреныч не просто нервничал. Он рвал и метал, повесив взрыв своей тачки на Славкиных племянников. Говорит Суреныч убедительно, могут и поверить... А тут, увидев бывшего автовладельца в обществе двух типов, молодые люди встревожились не на шутку. Суреныч просто светился от счастья. Неужели старый хрыч договорился о расправе с вездесущими братом и сестрой?! Восприняв это как личное оскорбление, Даша и Васька пускаются во все тяжкие, затеяв собственное расследование...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

4

100

Дарья Калинина

Много шума и... ничего

Ехать на лесную турбазу мне решительно не хотелось. Отдых в нашем пригороде – типичное не то, а всему виной злобная погода. Я была совершенно уверена, что стоит мне покинуть надежный городской кров, как, несмотря на уставившуюся жару, немедленно начнется проливной дождь, затем понижение температуры и, вероятно, даже заморозки или град и еще извержение вулкана где-нибудь на Камчатке. Последнее, конечно, меня мало волновало, так как на Камчатку я не собиралась, а вот питерская погода не внушала мне доверия, и отпуск я бы предпочла провести в более благоприятном климате.

Однако что прикажете делать, если вся семья была тверда в своем намерении провести в лесу хотя бы один летний месяц и, разумеется, это должен был быть август. Потому что именно в конце лета в лесах появляются грибы и ягоды в количествах, пригодных для заготовок на зиму, а именно такие планы и вынашивали мои близкие. Их отнюдь не волновали красоты природы. Да оно и понятно, когда в сапогах хлюпает вода, спина уже разламывается от сырости, а перед глазами

простираются бесконечные, полные ягод черничники, то на любовании природой сил уже не остается...

Я мрачно смотрела в окно автомобиля, приобретенного дядей Славой всего несколько дней назад и сегодня впервые представленного на наш суд для прогулки по городу, и жутко завидовала своему папе, который сумел увильнуть от заготовительного сезона в обществе своей жены и ее родных. Конечно, прямо отказаться от подобного мероприятия у папы смелости все-таки не хватило бы, но за двадцать с лишним лет совместной жизни с моей мамой ему удалось внушить ей мысль о своей полной непригодности для процесса сбора ягод. Напрямую он, естественно, не отказывался участвовать в нем, боже сохрани, жизнь ему еще была дорога, но собирал он ягоды, придирчиво осматривая каждую черничину, и при этом вел подсчет, а если случайно сбивался, то начинал пересчитывать все добытое сначала. И каждый вечер с гордостью сообщал результат.

– Девять тысяч восемьсот двадцать семь черничин, – счастливо сияя улыбкой, сообщал он всем. – И из них только девяносто одна бракованная.

После этого язык не поворачивался указать ему на тот факт, что с гордостью названное им количество ягодок едва покрывает дно его корзины и не идет ни в какое сравнение с огромными заполненными емкостями, которые едва тащили остальные. Грибы папа собирал охотно, но тут уж мама выступала активным его критиком, так как у отца был свой

взгляд на то, что считать съедобными грибами. Уверая, что ядовитых грибов в природе вообще не существует, он запрещал выбрасывать что-либо из своей корзины и тем все больше убеждал мою маму в своей непригодности и для этого дела, добиваясь, чтобы его отстранили и от сбора грибов.

– Прекрасный гриб! – уверял он всех, демонстрируя нечто подозрительно напоминающее бледную поганку. – Его надо только хорошенько отварить, и тогда его чудесный вкус надолго вам запомнится...

После таких заявлений мама делала попытку потихоньку подобраться к корзине, чтобы извлечь из нее подобные «деликатесные» грибочки, но папа был, как говорится, на чеку и не позволял провести себя. Он стоял рядом и бдительно следил за тем, чтобы ни один гриб не попал в помойное ведро. Наконец мама решила побереечь свои нервы, которые тратила на то, чтобы доказать мужу, что ядовитые грибы не стоят той возни, которую он затевает, желая перевести их в разряд съедобных. В результате она даже стала уговаривать папу отказаться от походов в лес.

– Ну что ты! – возмутился папа в ответ на ее робкое предложение поехать на рыбалку. – Сейчас же самый сезон для зеленушек! Я их засолю специально для тещи.

Тут моя мама позеленела не хуже самих зеленушек и выхлопотала папе путевку на юг. При этом она рассуждала на тему, что на Кавказе, мол, грибы не растут, и вообще там – бархатный сезон. Обратного папе поручили привезти фруктов.

С этим делом он успешно справился, притащив целый ящик винограда Изабелла, половина которого оказалась во вполне пригодном для употребления в пищу состоянии. С тех пор папа ежегодно отправлялся на юг, а мы с мамой – на турбазу, делать заготовки на зиму.

Этот сезон обещал стать сущим кошмаром. Он им и стал, но не совсем так, как я предполагала. С самого начала меня страшила мысль о том, что теперь, когда есть машина, в которую можно загрузить в несколько раз больше ведер и банок, чем нам удавалось увезти с собой в прошлые годы, когда приходилось тащить весь улов на себе. А стало быть, чтобы этой самой машине не пришлось возвращаться почти порожняком, нам и в лесах придется провести гораздо больше времени, чем раньше. Размышляя на эту тему, я почувствовала, что начинаю просто ненавидеть эту чертову машину, а также своего дядю, который ее приобрел, и своего брата, который шумно радовался по этому поводу и не видел никакой опасности для всех нас в ней скрытой. Надо было каким-то образом спасти саму себя и своих родственничков.

Начала я эту спасательную операцию с обработки родственников и в первую очередь своего брата, как особь наименее устойчивую к соблазнам.

– А ведь Андрей, должно быть, с отцом скоро поедут на юга, – задумчиво произнесла я. – А Машка, счастливая, уже там, – и добавила: – Хорошо было бы и нам присоединиться к ним...

Маша с Андреем планировали провести это лето в Сочи, где жила их бабушка. Впрочем, старушка только зимой жила в самом городе, лето же она проводила в уединенном сельском домике, а пустующую в центре Сочи двухкомнатную квартиру оставляла своим внукам. Внуков у нее было великое множество, потому что и детей целых четыре человека. Видеть внучат старая женщина решительно не хотела, но свое жилье предоставляла. В это лето квартира досталась Андрею с Машкой, в которую мой младший братик был совершенно по-идиотски влюблен. По-идиотски потому, что Машка была на две головы выше его и обращала на него внимания меньше, чем на табуретку у себя на кухне. Однако Вася надежды не терял и теперь просто загорелся идеей ехать к своему кумиру. Следующим номером я начала обрабатывать свою бабушку.

– Бабуля, – вкрадчиво проговорила я, – как твой ревматизм?

Чего и следовало ожидать, ревматизм давал себя знать. На самом деле бабушка была еще крепкой как сыромятная плеть, но ей нравилось рассуждать о своих недугах, причем все вокруг должны были в это время сочувственно ахать и ужасаться.

– Тебе бы на курорт поехать, а не в болоте сидеть, как твой зять предлагает, – сочувственно произнесла я, когда бабуля закончила живописать совершенно жуткие (совершенно непонятно, как она с ними столько протянула) симптомы

болячек. – Можно было бы поехать на машине, и это не было бы дороже того, что нам будет стоить на турбазе аренда домика.

Бабушка оживилась, и втроем мы пошли к Зое. Она довольно быстро дала себя уговорить и согласилась, что провести месяц у моря значительно приятней, чем в болоте. Но предупредила:

– Я-то с детства ненавидела сбор ягод, но Таня будет против вашего плана.

– Маму я возьму на себя, – заверила ее я.

Мама у меня всегда была разумным человеком и буквально через несколько минут согласилась, что варенье из персиков значительно вкуснее малинового, а кизилковое значительно полезнее черничного. К тому же за прошлые годы у нас накопилось несметное количество его банок. А вместо грибов вполне сойдут орехи. Таким образом согласие было найдено. Оставалось предупредить дядю о том, что наши планы немного изменились. Но, к счастью, он сам нам помог.

– Сушь стоит жуткая, – пожаловался дядя Слава спустя три дня, когда я уже закончила соответствующую обработку своих родственников и мы все вместе собрались у нас, чтобы утвердить планы на отпуск. – Все жалуются, что грибов совсем нет. Вот Андрею хорошо, никаких ему забот. Лови себе рыбку в Черном море и лежи на солнышке. Красота!

– Не у всех же бабки живут в Сочи, – кисло возразила Зоя.

– А они и не у бабки жить будут. Они палатку берут и

разместятся в кемпинге у моря, потому что жить в центре Сочи – это все равно что в центре Питера, – просветил его Вася и робко добавил: – Мы тоже могли бы.

Затаив дыхание, мы уставились на Славу. Неизвестно, что бы он нам сказал, но в этот момент мой папа оторвался от журнала:

– Отличная идея, – воскликнул он. – Слава, тебе с машиной теперь просто глупо сидеть среди болот. Горизонты раздвигаются!

Немного порассуждав о том, что железный конь идет на смену крестьянской лошадке, папа снова уткнулся в книгу.

– Тебе-то что, – обиженно пробурчал Слава. – Ты ведь не едешь.

– У меня отпуск в октябре, – с достоинством заметил папа. – Машину могу дать. Доверенность у жены есть. Пусть едут.

Пока мы с мамой соображали, издевается он над нами или просто не помнит, в каком состоянии пребывает его машина, Васька воскликнул:

– Андрей приглашал меня с собой. Я сяду в их машину, а тогда вы поместитесь в нашей, и не надо будет жечь лишний бензин.

И тут все сразу принялись, перебивая друг друга, обсуждать все хозяйственные мелочи, упорно делая вид, что Слава давно дал свое согласие. В путь мы отправились через два дня, которые буквально пролетели в сумасшедших сбо-

рах. Дождь начался, едва мы миновали дорожный знак, уведомляющий всех путешественников на колесах, что они покинули пределы города Санкт-Петербурга. Этому все дружно удивлялись, потому что в течение недели погода стояла жаркая, ежевечерний прогноз погоды по телевизору рисовал самые радужные перспективы на ближайшие дни и еще час назад небо было чистым и безоблачным. Ничто не предвещало проливного дождя, поэтому все и недоумевали. Все, кроме меня. Я-то знала, в чем тут дело, но хранила молчание.

– Будем надеяться, что ливень быстро закончится, – бодро заявила моя бабушка, отличавшаяся, невзирая на солидный возраст, завидным оптимизмом.

– Такой дождь не может продолжаться долго, – поддержала ее моя тетка.

– И посмотрите, какие огромные пузыри на лужах, – присоединилась к ним моя мамочка. – Эти пузыри говорят о том, что дождь будет сильным, но скоро кончится. К тому же мы постоянно двигаемся, а значит, рано или поздно выедем из этой зоны.

Я слушала эти рассуждения и мрачно усмехалась в душе, дивясь их наивности. А еще я перебирала в памяти, достаточно ли захватила теплых носков и прочих теплых вещей. Дождь лил всю дорогу, ночевать пришлось в сомнительной гостинице где-то под Тамбовом. Хорошо еще, что нас пустили – она была битком набита, так как ночевать в такую погоду под открытым небом желающих не находилось.

В холле мы столкнулись с семьей, которая как раз возвращалась с моря. Она состояла из мамы, двух детишек семи и десяти лет и папы, который оказался мастером рассказывать страшные истории. В такой унылый вечер его искусство и тематика оказались как нельзя некстати. Мы дружно тряслись от страха, внимая его словам, особенно когда его рассказы про оживших мертвецов сопровождали раскаты грома. В конце этого вечера самодеятельности он поведал нам о том, что в Сочи ни один автомобилист не может быть спокоен за свое четырехколесное чудо. Так как по ночам там орудует целая банда, которая калечит машины. Все владельцы машин стонут, только хозяева автосервисов радуются. Дядю Славу, которому до сих пор удавалось сохранять лицо, эта история совсем подкосила. Он побледнел и поспешно предложил разойтись по своим комнатам. За ночь мы подзабыли ужасный вечер, так как ночные часы оказались еще неприятнее. Кто-то все время бродил по коридору и издавал горестные стоны, от которых кровь стыла в жилах. Поэтому утром мы поспешно собрались и приготовились немедленно пуститься в путь. Вчерашняя семья исчезла с первыми лучами света, а вместе с ней окончательно развеялись и ночные страхи.

– Испробую наконец свой новый спиннинг, – мечтательно бормотал Слава на следующее утро, крутя баранку. – После дождя рыба должна хорошо клевать.

– Сразу же вечером пойдем на море купаться. К вечеру-то

уж точно разгуляется, – заявил мой братец, перебравшийся к нам из машины Андрея. И тут мое терпение лопнуло.

Я оторвалась от окна и возмущенно воззрилась на них. Но моего возмущения никто не заметил: в это время сломались дворники на переднем стекле и Слава был вынужден резко затормозить, от чего всех пассажиров бросило вперед.

– В чем дело? – недовольно осведомилась бабушка. – Ты вспомнил, что что-то забыл? Надеюсь, не документы на машину? Они у тебя вообще-то есть?

Слава молча вылез из машины и отправился проверять, что там могло случиться. Обратно он вернулся очень быстро и уже мокрый насквозь. И от благодушного настроения, с которым он выехал из города, мало что осталось.

– У нас есть зонтик? – спросил он у тетки Зои.

Но прежде, чем тетя успела ответить, в разговор вклинилась бабушка. Она успела заметить, что было сущим безумием тащить зонтик с собой, учитывая ту жару, в какую мы выезжали из дома. Слава набрал в легкие побольше воздуха и приготовился ей возразить, но тут я вытащила зонтик и тем самым спасла всех нас от еще одной грозы, которая неминуемо разразилась бы в салоне машины. А так Слава довольный отправился чинить дворники, а бабушка смогла отвести душу и всласть попилить Зою за то, что она не проследила за Славой, доверив мужчине такую ответственную миссию, как покупка новой вещи. Чего же теперь ожидать? Естественно, он купил какое-то барахло, и теперь все его части будут по-

тихоньку отказывать.

– Тормоза он хоть проверил? – сварливо интересовалась бабушка. – Не хватало еще, чтобы на такой скользкой и мокрой дороге у нашей машины отказали тормоза. О чем я, дура старая, думала, когда соглашалась ехать с вами? И о чем думал твой муж, Зоя, с нами же дети.

– Я уже не маленький, – усмотрев в этих высказываниях опасность, заявил Васька. – А тормоза у машины в порядке, мы со специалистом консультировались.

Бабушка недоверчиво хмыкнула, показывая всем своим видом, что никаким специалистам, которых мог раздобыть ее зять, она не верит. Я же в очередной раз порадовалась за своего папу, оставшегося в городе, и маму, переселившуюся в машину к Андрею. Слава вернулся быстро, что также вызвало бабушкино недовольство. Она с укором заявила, что он совершенно не волнуется за нашу безопасность и делает все спустя рукава. Дворники исправно работали до того момента, как Слава тронулся с места. После этого они снова сломались, и пришлось все начинать сначала. И не один раз, так как дворники решительно отказывались справляться с тем обилием воды, которая лилась с неба.

– Отвезите меня домой, – потребовала бабушка после того, как Слава попытался проехать без дворников и чудом разминулся с огромным «КамАЗом», который как сказочное чудовище с воем вылетел нам навстречу из-за пелены дождя. Мы хором принялись ее уверять, что проехали уже так

много, что путь назад займет значительно больше времени, чем оставшаяся дорога до турбазы. После этого бабушка погружилась в мрачное молчание, которое у нее свидетельствовало о глубокой задумчивости. Результаты ее размышлений могли обладать разрушительной силой, поэтому мы все заволновались и попытались вывести ее из этого состояния. Но все было напрасно. Вблизи Краснодара погода неожиданно сжалилась над нами, тучи разошлись, и вдруг выглянуло солнышко. Все путешественники шумно обрадовались, но ликовали недолго. Как вдали блеснула морская гладь, тучи снова начали сгущаться, и к кемпингу мы подъехали почти уже в полной темноте.

– Смотри-ка, Суреныч тоже тут, – воскликнул Слава. – Машину его я ни с какой другой не спутаю. Вместе на нее глаз положили, но он ее у меня все-таки выклянчил, жучара.

И Слава указал на блестящую «восьмерку», которая в гордом одиночестве стояла возле невысокой пихточки.

– Даже становиться рядом с ним противно, – пробурчал Слава и проехал мимо «восьмерки», к которой как раз подходил сам Суреныч.

– Знала бы, что он здесь, поехала бы в Сосново, и плевать, что там болото, – сказала Зоя. – Чего он сюда притащился, он что, за нами следит? Каждый год мы отдыхаем вместе с этим типом, ненавижу его.

– У него тут какая-то родственница живет, – пояснил Слава. – Ему поручили приглядывать за ней, пока остальные ее

родичи в отъезде.

Суреныч был главным лицом на предприятии, где Слава арендовал помещение для своей мастерской. Этот человек умудрялся совмещать в одном лице сразу несколько должностей, включая завхоза и начальника, и получал, естественно, за каждую соответствующую заработную плату. А так как его жена числилась бухгалтером, сын – администратором и одновременно сторожем, то можно было смело утверждать, что посторонних в штате сотрудников предприятия не было. Летом же Суреныч работал еще начальником и на турбазе под Питером, куда в этом году мы решили не ехать. Обычно кипучая натура Суреныча не давала ему покоя. Вот и здесь он сразу же взял на себя роль распорядителя, не допуская ни для кого никаких поблажек. Он внимательно следил за тем, чтобы к отдыхающим не приезжали гости. А если уж приезжают и остаются ночевать, даже если располагаются спать на полу, все равно Суреныч требовал с них плату за ночлег, которую торжественно относил в администрацию.

И вообще, этот человек был очень экономным и, я думаю, скопил достаточно, чтобы приобрести не одну автомашину и оплатить образование своего сына. Высшее образование для дурака-сыночка было заветной мечтой Суреныча. Сам он с большим трудом окончил торговый техникум, поэтому для сына хотел чего-то другого. Но так как Суреныч был психологически скуп, то вносить плату за сына в частные вузы он не соглашался, а во всех государственных его чаду надо

было сдавать экзамены и проходить отбор. Чем сынок и занимался вот уже третий год, но пока без особого успеха.

– Гости дорогие, – расплылся в улыбке Суреныч, увидев нас. – Как я рад вас видеть! Благополучно ли добрались? Я уже приготовил для вас домик, проветрил его и отнес туда два обогревателя. Не хотелось бы, чтобы дорогие мои друзья ночью замерзли. А в такой дождь сидеть в палатке мало хорошего. Заходите вечером ко мне, утром поймал огромную рыбину, почти дельфина, так жена ее приготовила к вашему приезду.

После этого он приветливо покивал нам, но не ушел, пока не заручился нашим обещанием быть у него вечером. Никто из нас, конечно, держать слово не собирался.

– Какой милый человек, – высказалась бабушка, которая увидела Суреныча впервые.

– Что это с ним? – удивилась Зоя, которая видела его не в первый раз. Тетя прекрасно знала, что явление, подобное любезному Суренычу, приглашающему на дельфина, которого хотел бы слопать в тесном кругу своей семьи, в природе редко встречается.

В ответ Слава потупился, а Васька с радостью поделился с Зоей раздобытой информацией.

– Пока мы на рынке выбирали машину, папка ему проболтался, что ты в этом году принимала вступительные экзамены в университете. Так Суреныч решил своего сынка к тебе пристроить.

– Этого не может быть, – помертвела Зоя. – Слава, скажи мне, что это неправда. Я ехала столько километров не для того, чтобы вдали от дома опять терпеть этого типа.

Но Слава предательски молчал.

– Он же даже сочинение не может написать, – простонала Зоя. – Я читала его опусы в прошлом году. Он даже писать умудряется с акцентом. И экзамены я принимаю на химфаке. Не может же Суреныч всерьез претендовать на то, чтобы я пропихнула его сына на химфак? Он же ни одной формулы не помнит. Этого просто не может быть!

– Вот вечером увидишь, может быть или не может, – зловеще прогудела я. – Ручаюсь, за свое угощение и заботу он потребует с тебя не больше не меньше, как написать за сыночка все вступительные работы.

Зоя окончательно закручинилась и сказала, что Славе она его болтливости никогда не простит. В наказание теперь он должен сам перетаскивать все вещи в наш домик и обязан вернуть Суренычу его обогреватели.

– Я у этого типа ничего не возьму, – раздраженно заявила она. – Пусть подавится.

– Но обогреватели входят в комплект оборудования домиков, – попыталась внушить ей более практичную точку зрения моя мама. – Не станешь ведь ты отказываться от кастрюль и подушек? Или станешь? – с тихим ужасом добавила она, увидав на лице сестры хорошо знакомое ей выражение ослиного упрямства.

Но тут появилась бабушка и заявила, что обогреватели она забирает себе и, стало быть, Зоя ничем противному Суренычу больше не обязана.

– Пускай-ка с меня попробует их стробовать! – воинственно добавила бабушка, удаляясь с трофеями к себе в комнату. – Я ему живо покажу, как инвалида второй группы обижать. Он у меня света белого невзвидит!

Начавшаяся гроза положила конец дискуссии о том, возвращать ли Суренычу набор новых кастрюль с цветочками. Мама настаивала на том, что цветочки просто очаровательны и она лучше расстанется со своим одеялом, чем хоть с одной даже самой маленькой кастрюлечкой. Зоя же заявила, что просто кошунство использовать такую посуду, когда ей известно, что на турбазе есть прекрасные алюминиевые кастрюльки, оставшиеся от прошлых поколений отдыхающих.

– Посмотри в окно, – увещевала моя мама сестру. – Там же форменный потоп.

На улице действительно творилось нечто невообразимое. От хорошей погоды не осталось и следа, а из хлябей небесных хлестали потоки воды, десятой доли которой хватило бы на то, чтобы на целый год обеспечить процветание какой-нибудь засушливой части Африки. Попутно выяснилось, что крыша нашего домика протекает, и таким образом все новые кастрюльки нашли себе применение в качестве резервуаров для лившихся с потолка холодных струек. Видимо, хозяйственный раж Суреныча не был так многогранен, чтобы

его хватило на новую крышу.

Больше никто из нас не упоминал о том, что сильный дождь просто обязан поскорее закончиться. Мы натянули на себя все теплые вещи и, нахохлившись, смотрели в окна, дожидаясь, когда дождь утихнет хотя бы настолько, чтобы можно было добежать до магазинчика и купить спичек, которые, конечно, имелись у Славы, но промокли, пока он чинил дворники. Электрических лампочек в патронах, а стало быть, и света в помещении тоже не было, что довершало картину всеобщего уныния. Я занималась тем, что прикидывала, на сколько хватит моей мамы при таком раскладе. Получалось, что дней семь прожить тут мы будем вынуждены в любом случае. Однако грозовой ливень закончился так же неожиданно, как и начался. То есть гроза не совсем ушла, а скорей отступила, потому что вдали еще раздавались раскаты грома. И все же над нами почти прекратился дождь, и нас с Васькой как самых молодых и крепких здоровьем отправили за спичками в маленькую лавочку при турбазе.

– Суреныч куда-то намылился, – заговорщицким шепотом поведал мне Васька, прячась за ближайший кипарис. – Иди сюда, а то он тебя увидит.

Суреныч меня да, конечно, и Ваську уже видел, и все же я проворно шмыгнула за дерево, провожаемая недоумевающим взглядом бывшего завхоза. Должно быть, он ждал, что я брошусь к нему с громогласными благодарностями за те удобства, которые он нам предоставил. А вместо этого я

скрылась за деревом. Было от чего призадуматься Суренычу... Недоуменно пожав плечами, он кинул в нашу сторону испытующий взгляд, видимо, надеясь, что мы одумаемся и станем вести себя более понятно и прилично, затем снова пожал плечами и вошел в лавочку.

– Он нас видел, – сообщила я Ваське очевидную истину.

– А мы его нет, – нахально заявил братец. – Имеем мы право поиграть в прятки или нет? В конце концов, кемпинг не его личная собственность, что бы он там себе ни воображал.

В любом случае идти в лавочку, когда там находился Суреныч, нам не хотелось, и мы продолжали торчать за кипарисом. Глупое было это занятие. Особенно если учесть, что надвигалась новая или, может, возвращалась старая гроза, а зонтиков у нас с собой не было, а наши куртки были совершенно промокаемые. Однако возвращаться домой, где нас поджидал заведенный бабушкой, голодный и потому злой Слава, без спичек мы не рисковали. В результате продолжали торчать за кипарисом, не сводя глаз с лавчонки, в которой застрял завхоз.

– Что он там делает? – возмущался Васька. – Что можно выбирать в этой глухомани? Там отродясь не продавалось больше трех сортов спиртного: портвейн, пиво и чистый спирт или водка. Все! Что там выбирать?

– Может быть, за год ассортимент расширился, – попробовала я его переубедить. – Смотри, выходит!

Действительно, в этот момент Суреныч показался на пороге магазинчика, зажав под мышкой какой-то продолговатый, но весьма объемистый сверток. Оглядевшись, он направился к своей машине. Мы уже покинули свое укрытие, когда он снова вылез из автомобиля и направился обратно в магазин. Нам пришлось поспешно отступить назад, что, конечно, не укрылось от соколиного взора бывшего завхоза. Он красноречиво потряс головой, показывая таким невоспитанным, как мы с Васькой, личностям свое возмущение нашими ухищрениями, чтобы с ним не встретиться, и скрылся в магазинчике.

— Если он опять пропал на полчаса, то я иду домой, — жалобно простонала я.

— Не бойся, ключи этот тип оставил в машине и зажигание не выключил. Значит, долго там не задержится, — попытался утешить меня Васька.

И действительно, завхоз очень скоро показался на пороге магазинчика, и, я бы сказала, вовремя. Потому что успел лицезреть красочную картину, когда на месте стоянки его машины взметнулся огненный смерч, а его новенькая машинка взлетела высоко в воздух. Все произошло настолько быстро и неожиданно, что мы с Васькой ничего не успели сообразить. Только что впереди стояла целехонькая автомашина, и вдруг на ее месте полыхает пламя, а по округе прокатился оглушительный грохот. Окружающие, должно быть, приняли этот звук за особенно громкий раскат грома, потому что

вылезать из домиков и палаток не спешили.

Суреныч выронил из рук пакет с карамелью и сделал пару неуверенных шагов в сторону горящей машины. Ощувив на себе жар от огня, он, видимо, осознал, что все увиденное во все не плод его воображения, не ночной кошмар и не галлюцинация. Несчастный автовладелец испустил такой отчаянный вопль, что мы с Васькой подпрыгнули за своим деревом гораздо выше, чем от взрыва.

– А-а-аграбили! – почему-то вопил Суреныч, хотя никто грабить его и не собирался. Можно подумать, что кому-то нужны его осколки.

На его крик, который, естественно, нельзя было спутать со звуками грозы, повыскакивали любопытные бабки с внучками, а следом за ними высыпало на улицу и остальное население кемпинга. Первой сообразила, что случилось действительно неладное, Евдокия Петровна. Ее домик находился ближе всего к горевшей машине, и, должно быть, поэтому она приняла произошедшее тоже ближе всех к сердцу. Во время взрыва женщина была в гостях. Однако сейчас, видя, что убитый горем Суреныч не торопится принимать меры, чтобы загасить огонь, который грозил перекинуться на ее домик, она с воплями заметалась в толпе.

– Пожар! Тушите пожар!

Если кто из обитателей турбазы еще и оставался в своих домиках, то после отчаянных криков Евдокии Петровны равнодушных к произошедшему не осталось. Люди замета-

лись в поисках огнетушителей, шлангов и багров, а из отдаленных домов уже спешила подмога. Огнетушитель нашли только один, да и тот почему-то не желал функционировать как положено. Он хрипло сипел и дрожал, а вместо пышной пены из него выливалась жалкая струйка какой-то подозрительно пахнувшей жидкости.

Суреныч не умолкал. Он носился вокруг своей бывшей машины и вопил, что его ограбили, продолжая тем самым вводить людей в заблуждение. Евдокия Петровна не уступала бывшему завхозу в громкости причитаний. Но ее вопли больше соответствовали действительности, так как кричала она про пожар. Остальные же гомонили кто во что горазд и носились по турбазе в надежде раздобыть какое-нибудь действующее пожарное средство. Лопату нашли за палаткой у того же Суреныча и пожарную бочку там же. Насос уже давно был приспособлен под душ, а в ведре успешно произрастала маленькая пальмочка. К счастью для всех, дождь основательно промочил все дома и палатки, поэтому загораться они не торопились. Обещанная гроза разразилась как раз в тот момент, когда к месту происшествия подоспели Зоя со Славой и мама с бабушкой.

– Где дети?! – восклицала наша бабушка, хватаясь за сердце.

В связи с тем, что у многих отдохавших на турбазе имелись дети, за которыми они обычно забывали следить, то ее крик нашел в сердцах беспечных родителей горячий отклик.

Многие сразу же вспомнили, что не видели своих чад с самого утра, и теперь всерьез забеспокоились. Каждый родитель решил, что именно его ребенок мог оказаться во взорвавшейся машине. И ни один не задался вопросом, с какой это стати Суреныч пустил его отпрыска в свою драгоценную машину, да еще оставил его там одного. Повсюду слышались женский плач и тревожные голоса, выкрикивавшие различные имена. Моя мама не осталась в стороне от всеобщей паники, быстро поддалась ей. Не хуже Суреныча она заметалась вокруг останков его машины, пытаясь разглядеть, нет ли внутри парочки обуглившихся трупов...

– Где дети?! – продолжала надрывно восклицать бабушка, оглядываясь по сторонам.

Наконец она увидела нас с Васькой и, обрадовавшись, закричала:

– Здесь они! Таня, они здесь!

Мама тут же бросилась обнимать нас с Васькой.

– Дорогие мои! Вы не пострадали?

Дождь лил все сильнее, и люди начали расходиться. На улице остался только Суреныч, который почему-то тоже бросился к нам с Васькой. Однако лицо его счастьем не сияло.

– Это вы все устроили! – обличительно тыкая в нас корявым пальцем, заявил он. – Мало вам моих огурцов, так вы и на машину позарились. Позавидовали, что я ее у вас из-под носа перехватил, и решили отомстить. Нехорошо, Слава, не по-человечески. Зачем же детей-то впутывать!

Мы с Васькой ошеломленно таращили глаза, пытаясь взять в толк, что он имеет в виду.

— Мы не виноваты, — больше по привычке наконец выдал из себя Вася.

— Как же, не виноваты! — возопил Суреныч. — А кто за деревом прятался? Думали, я не вижу, что вы подсматривали за мной. Зачем вам это понадобилось, а? Я вам скажу зачем! Вы пришли проверить, сработает ли бомба! — торжествующе закончил бывший завхоз.

— Какая бомба? — в полном смятении воскликнул Слава. — Вася, у тебя была с собой бомба?!

— Ничего у меня не было! — возмутился Васька. — И стал бы я ее тратить на какого-то там Суреныча.

— Видите! — торжествовал тот. — Он не отрицает, что мог бы подложить бомбу кому-нибудь другому. До вашего приезда все было мирно и спокойно. Я как чувствовал, что добра от вас не жди. В прошлом году сдал вам домик, так всего урожая лишился, а в этом и вовсе машины. Как чувствовал, что не надо мне сюда ехать.

— Вы что, свихнулись? — удивилась Зоя. — Какой урожай? У вас же сроду на огороде ничего не росло.

— Потому и не росло, что вырасти не успевало. Все на корню некоторые тащили, — упрямо возразил ей Суреныч. — Но это дело прошлое. Сейчас меня волнует, как вы будете расплачиваться за машину, раз ваши дети ее взорвали.

— Они ее не взрывали, — вступилась за нас бабушка. — Они

были все время с нами.

– Старый человек, а обманываете, – укорил ее Суреныч. – Я сам видел, как они прятались за деревом. Им стало любопытно, как сработает та штука, которую их родители прицепили к моей машине, вот они и не удержались. Мне все и без ваших объяснений ясно. Я вызываю милицию, с этим делом надо будет разбираться со всей строгостью.

С этими словами Суреныч извлек из кармана мобильник и принялся нажимать на кнопки, не обращая внимания на усиливающийся дождь. Все мы уже давно спрятались под навесом возле магазинчика, так как Слава мудро заметил, что пообедать нам все равно нужно, а значит – приобрести спички. И даже если наше поведение Суреныч расценит как откровенное над ним издевательство, ему, Славе, все равно. Очень уж есть хочется, а на холодную пищу в такую погоду он решительно не согласен.

– Милиция! – вопил, стоя под проливным дождем, Суреныч в трубку. – Немедленно приезжайте в кемпинг «Приморский». Случилось зверское преступление. Взорвано дорогостоящее имущество, пострадали люди.

– О ком это он? – удивился Васька. – Никого же не задело, мы с Дашей все видели, осколки пролетели мимо.

– Должно быть, один маленький все-таки его задел, – предположила я. – У него ведь всегда с головой наблюдались проблемы, поэтому удара даже малюсенького винтика хватило, чтобы полностью вывести его из состояния, когда ему

еще удавалось делать нормальный вид.

– Вы точно не трогали его машину? – тревожно осведомилась у нас Зоя. – А то ведь этот тип, пока настоящего преступника не поймают, с нас не слезет. Будет твердить, что вы во всем виноваты, а говорит он убедительно, могут и поверить.

Мы с Васькой дружно ее заверили, что даже пальцем не успели прикоснуться к машине Суреныча. И пусть он вызывает хоть всю сочинскую милицию, мы все равно будем стоять на своем.

– А ведь я мог купить себе эту машину, – глядя перед собой, пробормотал Слава, когда мы дождались продавца, который убегал поделиться новостями в соседний домик. – Бог уберет, что бы я теперь делал с этой грудой обгоревшего металла?

– Думаешь, что неисправность была в самой машине? – поразилась моя мама. – Никогда про такое не слышала. Я думала, что машины взрываются, только если в них подложить бомбу или другое взрывное устройство.

После дружного обсуждения этого вопроса мы пришли к выводу, что все мы думаем примерно как моя мама. А значит, Слава вполне мог попусту не беспокоиться. Если бы машина оказалась у него, то вряд ли она бы взорвалась. Кому могло понадобиться подкладывать Славе бомбу? Дядя Слава внял нашим доводам и позволил очень быстро успокоить себя. К тому же его вдохновляла перспектива вкусного

обеда. Наши женщины раздобыли его в придорожном кафе, и теперь он только и ждал, чтобы его разогрели. Но съесть обед целиком никому из нас не удалось. Только мы покончили с обжигающим рот борщом и с вожделением уставились на шипевшую на сковородке мою любимую жареную курицу с не столь любимыми макаронами, как в дверь постучали. Чей-то неприятный голос (впрочем, сейчас мне любой голос показался бы неприятным, даже если бы он принадлежал прославленному Шаляпину) потребовал от нас оторваться от обеда и открыть дверь.

Как и следовало ожидать, за дверью стояла милиция. Вообще-то там стоял ее представитель в единственном числе, но в данной ситуации и его было вполне достаточно, чтобы испортить мне настроение. И добро бы он просто так стоял. Но он, видите ли, желал общаться со мной и Васькой. И немедленно. Жадно запихивать в рот куски курицы, когда на пороге стоит представитель закона, мне показалось неэтичным. Надо было выбирать, я кинула скорбный взгляд на сковородку и с тяжелым вздохом поднялась из-за стола.

– Не огорчайтесь, – бодро утешил меня Слава. – Мы оставим вам что-нибудь пожевать.

– Знаем мы это что-нибудь, – пробормотал Васька, тоже вылезая из-за стола.

Васька, живущий бок о бок со Славой уже много лет, прекрасно сознавал, как опасно оставлять своего папку наедине с жареной курицей на срок дольше пяти минут. Я об этом

тоже догадывалась. И еще я сомневалась, что даже совместных усилий моей мамы и бабушки защитить наши интересы будет достаточно для того, чтобы к нашему возвращению уцелел хотя бы один кусок жареной птички. Но неожиданно нам помог вновь прибывший милиционер.

– Я обязан поговорить со всеми, – четко произнес он, перешагнув через порог. – Вы Вячеслав? С вами я тоже хотел бы поговорить.

Я почувствовала, что курица спасена и что во мне закипает горячая признательность нашей родной милиции, которая бережет и нас, и наш обед.

– Вячеслав – это он! – обрадовано закричала я. – Он! Он! Проходите, пожалуйста, – поспешно добавила я, испугавшись, что милый молодой человек может передумать.

Зоя с бабушкой поспешно отодвинули в сторону грязную посуду и с любопытством уставились на гостя. Мама же в это время проворно укутывала сковородку с жареной курицей в одеяло, чтобы сберечь ее тепло до окончания разговора. Покончив с этим, мама присоединилась к сестре и матери и, в свою очередь, воззрилась на милиционера. За столом воцарилось молчание, прерываемое только недовольным сопением Славы, который демонстративно смотрел в окно.

– Вы пришли поговорить насчет взорванной машины? – поинтересовалась моя мама, заметив, что милиционер не торопится приступать к делу, а в Славином сопении появляются угрожающие нотки.

Милиционер с трудом оторвался от созерцания нашей семьи и поспешно произнес:

– Да, да. Позвольте представиться – старший лейтенант Игнатенко.

– Лейтенант? – разочарованно протянула моя мама и добавила, обращаясь к сестре: – Помнится, прошлый раз нами занимался майор.

– Скажи спасибо, что вообще стажера не прислали, – так же вполголоса ответила ей Зоя, имевшая неприятные приключения, связанные с упомянутой милицейской должностью.

– Тише, девочки, – шикнула на них бабушка. – Помолчите, а то мы никогда не узнаем, что хотел сказать молодой человек.

Все поняли, что надлежит слушать и отвечать по возможности быстро и четко, чтобы в максимально короткий срок вернуться к прерванному обеду. Бабушка его еще и не начала, так как всю жизнь уверяла нас, что тот уксусник, что варит ее младшая дочь, называя его борщом, есть без риска заработать гастрит невозможно.

Лейтенант кинул на бабушку благодарный взгляд и продолжил:

– Владелец пострадавшей машины утверждает, что именно ваша семья имела повод и возможность подложить в его машину бомбу или другое взрывное устройство.

– А у других, что ли, повода не было? – возмутилась Зоя. –

Да я вам хоть сейчас назову два десятка людей, которые бы с радостью занялись этим.

– Зоя! – предостерегающе прошипела бабушка. – Опомнись.

Ее тревогу легко можно было понять: если бы Зоя принялась перечислять хотя бы первый десяток фамилий из своего списка, а лейтенант стал бы уточнять адреса и переспрашивать фамилии, то беседа растянулась бы не на один час. Но, к счастью, лейтенант на провокацию не поддался.

– И тем не менее, – продолжил он, – владелец машины утверждает, что у вашей семьи значительно больше причин и возможностей, чем у кого бы то ни было. Именно вы затаили на него зло потому, что он увел у вас из-под носа прекрасную машину, и вам в итоге пришлось купить более худшую и за большую сумму. И к тому же взрыв произошел непосредственно после вашего приезда на турбазу, а ваше младшее поколение при этом еще и шкодливо выглядывало из-за дерева, видимо, желая воочию убедиться в том, что все сроботает как надо.

– Кто вам сказал, что я купил худшую машину?! – Слава неожиданно проявил бурный интерес к происходящему. В порыве чувств даже вскочил со своего места.

А так как роста дядя был немаленького, любил много и плотно покушать, что не могло не отразиться на его фигуре, то по-детски щупленький милиционер слегка побледнел и вжался в спинку стула.

– К вашему сведению, я купил машину, которая ничуть не хуже, – продолжал негодовать Слава. – Она, может, и выглядит не так броско, зато двигатель у нее – чистый зверь, и крупного ремонта она не потребует еще лет пять. А вот почему Суренычу удалось купить «восьмерку» за мизерную сумму – это еще надо посмотреть. Меня лично ее цена сразу насторожила, я просто ушам не поверил. А потом подумал, что если за машину просят так мало, то с ней наверняка что-то не в порядке. Поэтому я Суренычу машину и уступил и сделал это с легким сердцем, потому что почуял, что дело тут нечисто. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, а Суренычу с его жадностью до этого не допереть. Он ведь считает, что все кругом дураки, а один он умный, ловкий и хитрый. Вот и нарвался. Только я к этому отношения не имею. И мои дети тоже.

– Я все понял, – пролепетал лейтенант и поспешил обратиться к Зое. Он понимал, что даже если она в порыве чувств и начнет метаться по комнате и возмущенно размахивать руками, то после выступления Славы он это выдержит с легкостью.

– Не могли бы вы все же рассказать мне и в подробностях, что вы делали с того момента, когда приехали на турбазу? – произнес он.

– Охотно, – сказала вместо Зои моя бабушка, решив, что достаточно уже намолчалась и наслушалась других, пришла и ее очередь поведать о своих подозрениях. – Я удалилась к

себе в комнату и начала распаковывать вещи. Даша и Таня должны были жить вместе со мной, поэтому они тоже были в комнате. Зоя в это время хлопотала на кухне, а Вася со Славой что-то делали в своих апартаментах. Никто из нас из дома не выходил.

– Вы так твердо в этом уверены? – недоверчиво переспросил у бабушки лейтенант.

– Молодой человек, – с достоинством произнесла моя бабушка, – я прожила долгую жизнь и не намерена на старости лет обманывать милицию. Если я говорю, что никто не выходил, значит, так оно и было. Слух у меня отличный, а перегородки в этих домиках носят чисто символический характер. Слышен каждый звук, поэтому я могу ручаться, что ни мой зять, ни внук из дома не выходили. Да это и невозможно было сделать, так как дождь лил как из ведра и высушить нос наружу никто из нас не рискнул бы.

– Но все же ваши внуки оказались на улице, – продолжал настаивать дотошный милиционер.

– Они пошли за спичками, – со страдальческим выражением лица пояснила бабушка. – И дождь тогда уже прекратился. Все сразу же повалили на улицу, поэтому, что бы ни говорил тот человек, у моих внуков даже не было возможности незамеченными подобраться к машине. Спросите вашего Суреныча, он вам скажет, что вышел из дома тоже сразу же после дождя. Его дом соседствует с нашим, значит, возле машины они оказались в одно время.

– Суреныч там был даже раньше, – подхватил Васька. – Мы просто встречаться с ним не хотели, вот и спрятались за дерево.

– Значит, у вас были с ним какие-то разногласия, раз вы не захотели с ним встречаться? Или что вы имели в виду? – с готовностью подхватил лейтенант.

– Вы с ним немного пообщаетесь и поймете, что я имел в виду, – мрачно сказал лейтенанту Васька. – Он вас своими разговорами замучает, вы не будете знать, куда от него деваться, особенно если ему от вас что-то нужно. Вы сами не заметите, как пообещаете ему все на свете, лишь бы отвязаться.

– Это точно, – в один голос подтвердили мы с мамой и теткой. – Жутко занудный тип. И взрывать ему машину мы бы не стали просто потому, что не захотели бы с ним связываться. Он теперь никому покоя не даст, вот увидите. Сейчас он строчит список остальных подозреваемых, – добавила тетка.

– В таком случае не могли бы и вы на досуге набросать мне список имен людей, которые, по вашему мнению, могли быть причастными ко взрыву автомобиля? – попросил лейтенант, обращаясь к Зое. – Вдруг некоторые имена из этих двух списков совпадут, тогда у нас расширится круг подозреваемых, а то пока я вынужден думать только о вашей семье. Зачем же вам быть в одиночестве?

– Она напишет, – с готовностью ответил за Зою ее муж. – Прямо сейчас этим и займется. А если вам нужно опросить

соседей, то вы тоже можете заняться этим прямо сейчас. Вдруг вам повезет и кто-то сообщит, что видел, как мы всей дружной семьей под проливным дождем направлялись к машине Суреныча, пряча под плащами нечто тяжелое. А потом долго возились в грязи, прилаживая что-то к ее днищу. Пока вы обойдете все домики и побеседуете с людьми, наш список будет готов. Я вам сам его занесу.

Каждое слово своей тирады Слава сопровождал небольшим, но угрожающим шажком в сторону лейтенанта, неуклонно тесня милиционера к дверям. Поэтому неудивительно, что последняя фраза была произнесена уже на пороге, и лейтенанту ничего не оставалось, как последовать Славиному совету и отправиться за сплетнями по соседям.

– Давайте быстро обедать, – распорядился Слава, избавив нас от лейтенанта. – Зоя, чем ты занимаешься?

– Составляю список, который ты пообещал от моего имени нашему лейтенанту, – невозмутимо ответила Зоя. Она действительно неведомо где успела раздобыть огрызок карандаша и кусок оберточной бумаги и сейчас что-то царапала на нем.

Слава заглянул ей через плечо и в ужас завопил:

– Что ты пишешь? Это же мой самый крупный заказчик! Если он узнает, что из-за меня его вызывают в милицию, то уже никогда не станет обращаться ко мне за услугами. Ты этого добиваешься? Голодной смертью нас с Васькой уморить хочешь?

– Я же не виновата, что он напился в хлам и орал на всю турбазу в прошлом году, что Суреныч жулик, каких свет не видывал, и что он ему еще покажет, как выгонять порядочных людей только за то, что они позволили себе немного расслабиться на отдыхе, – возразила Зоя. – Если сейчас тут живет Андрей и его папа, а они точно живут, то кто-нибудь из них обязательно вспомнит этот эпизод и расскажет о нем лейтенанту, который удивится, что я почему-то этот случай не помню.

– Ну и пускай себе удивляется, – выхватывая из Зоиныных рук злосчастный клочок бумаги и яростно раздирая его в клочки, завопил Слава. – Я и про список-то сказал только, чтобы он от нас отвязался хоть ненадолго. Совершенно не нужно тебе так усердствовать и перечислять всех, кто имеет зуб на Суреныча. Вполне достаточно нескольких фамилий. А про Вадима Степаныча даже думать забудь. Мне и так стоило труда извиниться перед ним за то, что его поперли с турбазы да еще деньги за две недели не вернули. Я из-за этого проклятого хапуги Суреныча двух выгодных заказов лишился. Пришлось ждать, пока Вадим Степаныч остынет и гнев на милость сменит.

– А того сторожа, что Суреныч за кражи со своего огорода уволил, можно писать? – поинтересовалась Зоя.

– Про сторожа можно, – великодушно разрешил Слава, накладывая себе на тарелку солидную порцию картошки, курицу и салат. – К тому же сторож сейчас далеко, и, если лей-

тенант доберется до турбазы, люди подтвердят, что сторожа Суреныч выгнал ни за что, просто придрался. Михалыч кабачков терпеть не мог, а в тот год у Суреныча на огороде ничего другого и не росло. Выгнал же он его потому, что сам хотел занять его ставку. Опять его жадность подвела.

– Михалыч про машину ничего не говорил, – встрял в разговор родителей Васька. – Он турбазу грозился поджечь, я же помню.

– Вот-вот, – воодушевился Слава. – Турбазу решил не жечь, чтобы безвинные не страдали, а в машину бомбу подложил.

Мы с мамой тоже внесли свою лепту. Назвали пару теток, чьим детям Суреныч надрал уши. При этом он лишил их на неделю просмотра любимых мультиков, а их мамаш – любимых сериалов. Представляю, какую злобу могла затаить в душе женщина, которую лишили единственной радости в жизни. Одна бабуля грустно сидела над своей тарелкой, не принимая участия в беседе. За последние пять лет бедняжка в первый раз выбралась летом из города и теперь горько кляла себя за это. Но было поздно. Ни на турбазе под Питером, где хозяйствовал Суреныч, ни здесь, где он только пытался это делать, она раньше не бывала.

– А еще один парнишка, – вспомнил Васька. – Я только не помню, как его звали. Родители у него были крупными шишками и знакомыми Суреныча. Они сюда привезли сыночка в наказание за плохое поведение и велели Суренычу, как я по-

дозреваю, за специальное вознаграждение сделать все, чтобы отравить непокладистому чаду жизнь. Парень, правда, долго такой жизни не выдержал и сбежал, но все же дней пять Суреныч над ним измывался. В море купаться не разрешал, лодку не давал и, главное, никуда от себя не отпускал. От одного этого рехнуться можно.

– А кстати, пора нам обратиться к семье нашего Суреныча, – сказала тетка Зоя с облегчением, занося неизвестного мальчика последним в свой черный список. – Как они выносят своего кормильца, интересно знать?

– Подозреваю, что с трудом, – кинув задумчивый взгляд на Славу, произнесла наша бабушка. – Но свою собственную машину взрывать по этой причине они вряд ли бы стали.

Слава потянулся к сковородке за добавкой, и бабушка, задумчиво следившая за его действиями, неожиданно высказалась:

– Хотя... если он истратил на приобретение машины весь семейный бюджет до копейки, лишив жену обещанной шубы, а сына обещанного магнитофона, то сгоряча домочадцы могли покуситься на ненавистную покупку.

– Не беспокойся, ничего он их не лишил, – заверила ставшую вдруг сердобольной бабушку Зоя. – Этот тип всегда на чужих отыгрывается, а свои для него – святое. Он им только добра желает.

При этих словах Зоя как-то задумчиво поглядела на своего собственного мужа.

– Одно дело, что он им желает, а другое, что они сами хотели бы иметь, – туманно проронила бабушка.

После обеда Слава отправился разыскивать лейтенанта с Зоиным списком в руках, а мы остались метать жребий, кому мыть посуду. Выпало нам с Васькой. Я слишком хорошо знала любовь своего младшего брата к домашней работе, поэтому без труда предположила, кому придется взять на себя это самое мытье. Но так как за окном продолжал лить дождь, то мы просто выстроили тарелки вокруг дома и на ступеньках крыльца, где на них с крыши обрушивались настоящие водопады дождевой воды. При этом мы не забыли в каждую тарелку капнуть моющего средства «Фэйри». Таким же образом мы поступили со сковородой и кастрюлей из-под борща. На эту процедуру Васькиного энтузиазма хватило. Правда, ходить вокруг дома после воплощения в жизнь нашей рационализаторской мысли стало довольно затруднительно, но кто же в такой дождь гуляет?

Вследствие ли грозы, или по причине дурного настроения Суреныча, но электричество по всей турбазе было отключено. Поэтому идти гулять к морю не выразил желания даже Вася, до этого утверждавший, что страстно любит воду в любом виде. Наши постели насквозь отсырели, и мы решили навестить своих прошлогодних знакомых в надежде, что в их домиках будет посуше, чем у нас.

– Как думаешь, Андрей уже приехал? – спросила я у Васьки, так как дружил с Андреем собственно он. Я же общалась

с Андреем только там, где мы вместе отдыхали, чему оба искренне радовались.

Я имею в виду, что радовались мы не самому общению, а тому, что оно продолжалось только пока мы соседствовали по турбазе или по кемпингу.

– Приехал, – уверенно сказал Васька. – Уже звал нас к себе.

Просто непостижимо, когда Васька успел повидаться с Андреем, а тем более перекинуться с ним парой слов. Ведь, казалось бы, все время был на глазах и никуда я его от себя не отпускала. Может, и подозрения Суреныча не лишены основания? Но Васька быстро разрушил мои предположения.

– Еще позавчера в Питере мы с ним разговаривали, – сказал он. – Они выехали раньше. У них ведь нет бабушки, которой требуется тащить с собой чуть ли не всю кухонную технику.

– Не преувеличивай, – насупилась я. – Бабушка прихватила только самое необходимое.

– Ага, – жизнерадостно заржал Васька. – Электрическая мясорубка, миксер, соковыжималка и еще утюг. Все работает на электричестве, а его-то как раз и нет. Чудом уговорили ее не брать с собой стиральную машину. Она требовала от папы, чтобы он отковырял агрегат от труб. Хорошо мама ее заверила, что тут есть прачечная. Вот увидишь, нас еще ждет веселенький скандалчик, когда бабушка выяснит, что прачечная находится в бане и работает только по субботам.

– Но ты же взял магнитофон, а мама – телевизор, – возразила я ему. – Почему вы хотите лишить старушку ее любимого хобби?

– Она и холодильник предлагала тащить с собой, – с упованием продолжал перечислять Вася. – Сказала, что можно будет грибы и ягоды класть в глубокую заморозку.

– Что-то я похожее видела, – сказала я. – Правда, это секрет.

– Что! – чуть не выронил спичечный коробок Васька. – Не может быть, мы бы заметили.

– Бабуля нашла у своего дяди Бори какую-то универсальную штучку, которую он сам смастерил. Она размером с чемодан, но морозит так, словно от этого зависит чья-то жизнь, – проболталась я, не видя в этом большой беды. Не станут же они возиться с отправкой обратно в Питер бабушкиной морозильной камеры только потому, что нет электричества.

За разговорами мы и не заметили, как приблизились к небольшому домику. Жилище Андрея на небольшом пригорке прикрывали деревья. Впрочем, на турбазе все дома стояли за деревьями или были разбросаны среди деревьев и прочей растительности. Поэтому он не был слишком оригинален. Но семейству Андрея, куда входил и его папа, мама и сестра, именно этот домик нравился больше всех остальных, и они соглашались жить только в нем. Причем сначала там поселялись папа с Андреем, а оставшийся срок обитали

мама с сестрой. Таким образом они отдыхали друг от друга по две недели, которых хватало на то, чтобы потом выносить тесный семейный круг в течение всего остального времени.

За прошедший год Андрей вытянулся на две головы и стал значительно выше меня и Васьки, хорошо хоть не вместе взятых. Глаза у него остались карими, а волосы темными. Только стриг он их теперь очень коротко. На Андрее были безумно пестрые штаны. Штаны, понятное дело, из года в год менялись, но расцветка и рисунок неизменно оставались прежними, поэтому смело можно было причислять эту часть одежды к его особым приметам.

– Слышали, что случилось! – возбужденно приветствовал нас Андрей. – Новую тачку Суреныча взорвали, я уже говорил с Фимкой.

Фима был единственным отпрыском Суреныча, которого папаша мечтал пристроить в высшее учебное заведение. Фима папиному капризу противился изо всех сил. А так как в армию его по причине слабого здоровья, а вернее, превышающей всякую меру жирности не брали, то он смело мог продолжать уклоняться от институтской пытки еще долгие годы. Но вся беда Фимы заключалась в том, что в надежде на поступление своего отпрыска в институт Суреныч ежегодно нанимал для Фимы трех репетиторов. Сыночку приходилось с ними заниматься. В довершение дела Суреныч записывал бедного Фиму еще сразу на несколько подготовительных курсов, куда отвозил, а затем и забирал его уже сам. Все

это отнимало у Фимы массу времени и сил, а тратить попусту свои силы он не любил. Поэтому уже целых два года парень чувствовал себя глубоко несчастным человеком.

– И что Фима? – поинтересовалась я.

– Жаловался, что папаша уже вызвонил своего страхового агента, который обещал приехать завтра с утра и оценить ущерб, а также назначить примерную сумму выплаты.

– Так это же хорошо, – не поняла я.

– Хорошо, но не для Фимы. Он-то надеялся, что папаша машину не успел застраховать, а значит, и денег на репетиторов и подарки приемной комиссии не останется. Таким образом он надеялся избежать очередной пытки. В этом году Фима уже провалился в два института, поэтому надеялся, что если и в следующем году с институтом не выгорит, то Суреныч оставит свою затею с его обучением. Погодка-то, а? – неожиданно сменил тему разговора Андрей. – Должно быть, небо надолго затянуло.

– А нас обвиняют во взрыве этой машины, – поведал Васька Андрею, который мигом утратил интерес к погоде.

– Ну?! – удивился он. – А почему именно вас? У него есть улики?

– У Суреныча крыша поехала, – предположила я. – Или он надеется таким образом вынудить Зою зачислить Фиму на свой факультет. Скажет, например, что он снимает свои обвинения против нас, а она в обмен берется протолкнуть Фиму.

– Так, может, он сам и взорвал? – возбужденно забежал по комнате Андрей. – Тогда это уже самое настоящее мошенничество, его надо пресечь на корню.

– Сразу чувствуется, что ты поступил на юридический, а не куда-нибудь еще, – сварливо заметил Васька. – Преступники тебе уже мерещатся. Я лично думаю, что паршивую машину Суренычу подсунули, у нее что-то было не в порядке, вот и грохнуло. Чего гадать, эксперты все выяснят.

– При чем тут мой факультет, – возмутился Андрей. – Мы стали свидетелями самого настоящего преступления, вот и все. Верней, вы стали. Ну-ка, припомните, не видели ли вы возле машины Суреныча подозрительных личностей?

– Еще один следователь на нашу голову, – простонала я. – Может, тебе и список граждан, имеющих зуб на Суреныча, представить? Так нам это раз плюнуть, у меня и копия еще сохранилась. А возле машины никого, кроме самого Суреныча, мы не видели. Он вышел из магазина с пакетом под мышкой, сел в машину, завел ее и неожиданно вернулся в магазинчик, оставив мотор работать. В то время как этот тип делал дополнительные покупки, и раздался взрыв.

– Так-так, – глубокомысленно забормотал Андрей. – Значит, пакет он оставил в машине?

Мы с Васькой переглянулись и дружно закивали в ответ.

– В пакете и была бомба! – торжественно заявил нам Андрей. – Он сам ее себе подложил.

– Каким образом, купил в магазине? – ехидно поинтере-

совался Васька. — У него в руках ничего не было, когда он входил в лавочку.

— Но он мог спрятать небольшую бомбочку под одежду, — горячо возразил ему Андрей. — А в магазине переложить ее в пакет с покупками.

— Может быть, сначала поговорить с продавцом? — робко предложила я. — Послушаем, что он скажет.

И мы отправились в лавочку, которая сегодня была заполнена людьми. Всем было интересно послушать версию случившегося из уст продавца дяди Вити. И к тому же в дождь и при бездействии электрообогревательных приборов процент продажи крепких алкогольных напитков стремительно возрастал. Нам пришлось довольно долго дожидаться возможности поговорить с дядей Витей, поэтому мы выслушали его рассказ неоднократно. Продавец утверждал, что в первый раз Суреныч зашел к нему, чтобы купить килограмм сухого печенья. Потом ушел, а спустя минуту вернулся, так как забыл еще стиральный порошок. Но нужного порошка не оказалось, и он сказал, что приобретет его на станции, куда все равно едет, чтобы встретить какого-то знакомого. И вместо порошка купил конфет, которые очень любит его сын.

— Только он это сказал и пошел к двери, тут вдруг как грохнет! — возбужденно рассказывал дядя Витя. — Я смотрю, а Суреныч до того позеленел, что стал как его плащ. Я сразу смекнул, что дела плохи. У меня у самого уши заложило от взрыва, но выбежал я сразу же за Суренычем. Полыхало так,

что дым выше крыш домов поднимался.

– Суреныч был в плаще, – прошептал мне на ухо Андрей таким тоном, словно это было неопровержимым доказательством его вины.

– Дождь шел, все были либо в плащах, либо в куртках, – возразила я ему тоже шепотом.

Андрей кинул на меня презрительный взгляд, показывая, что я совершенно не разбираюсь в преступлениях, и зашептал что-то Васке. В ответ мой братец выразительно pokrutil пальцем у виска и поспешно сделал пару шагов в сторону от Андрея. Наконец народ рассосался и мы смогли поговорить с дядей Витей.

– Три «Балтики», пожалуйста, – попросил Андрей, завывая беседу.

Дядя Витя небрежно бухнул на прилавок три темных бутылки и выразительно посмотрел на нас с Васькой.

– Вас еще не арестовали? – удивленно спросил он. – Суреныч уверял, что вас сегодня же увезут.

– Суреныча можно понять, – тактично заметила я. – Не каждый день лишаешься новой машины, есть от чего занервничать. Да и весь день он был какой-то дерганный. Вы заметили, что он все время что-то перекладывал из одного кармана в другой, а из пакета в плащ? Верный признак начинающегося психоза, а ведь это было еще до того, как с его машиной произошло несчастье.

– Ничего он при мне не перекладывал, – возразил дядя

Витя, мигом переведя разговор на нужную тему. – И выглядел он вполне нормально. Искал только кошелек. При этом даже расстегнул плащ, чтобы порыться в карманах брюк. Долго искал, но это ведь со всяким бывает. Потом взял печенье и положил в пакет, который у меня же и купил. Вел себя совершенно спокойно, правда, стиральный порошок, о котором его жена просила, забыл купить. Однако это ведь тоже не показатель. Я, например, если жена поручает мне купить две-три вещи, одну из них обязательно забуду. Но это уж не моя вина, просто голова у мужиков устроена иначе, чем у баб.

– Значит, ничего в пакет, кроме печенья, он не клал и под плащом ничего не прятал? – вступил в разговор Андрей.

Вопрос поверг дядю Витю в легкий шок. Он недоуменно потряс головой и стал уверять нас, что Суреныч минут пять искал кошелек, что он, дядя Витя, имел возможность лицезреть все, что скрывалось под плащом. Чем он и занимался. Других покупателей в то время в лавке не было, а стоять без дела так скучно, что рад любому развлечению. Однако под плащом у Суреныча ничего интересного не обнаружилось. Сообщив это, дядя Витя решительно потряс головой, показывая, что закрывается. «Час уже поздний, – заявил он, – а день сегодня был бурный, пора и на покой». Мы поняли с первого раза, забрали свое пиво и неугомонного Андрея, который порывался еще что-то спросить, а затем гордо удалились.

– Ты и теперь будешь утверждать, что Суреныч подложил в свою машину бомбу? – язвительно поинтересовался Васька у своего друга.

И в кого это у него столько ехидства, не иначе как в бабушку.

– Буду, – упрямо буркнул Андрей, которому осьмушка его хохляцкой крови явно бросилась в голову. – Он мог подложить бомбу еще раньше.

– Думай что хочешь, – возмутился Васька. – Но только учти, если ты снова выкинешь номер вроде того, когда заставил меня битых пять часов дежурить возле аптеки, дожидаясь, когда там появится некто и станет интересоваться презервативами, то я не посмотрю, что ты будущий следователь, и накостыляю тебе по башке.

– Чего ты кипятишься? – удивился Андрей. – Ты же сам говорил, что презервативы – это твоя специализация на старших курсах. Вот я тебе и устроил тренинг, ты мне благодарен должен быть.

– Минуточку, – остановила я его, – какие еще презервативы? Вася, ты мне говорил, что будешь заниматься полимерами.

– Вообще-то да, – начал мямлить мой братик. – Но резина входит в их число, а также все пластмассы, поэтому в общем-то Андрей прав. Но я все равно не согласен с тем, что, выбрав себе эту дурацкую специальность, должен теперь полжизни провести возле аптечного киоска, торгующего из-

делиями из проклятой резины.

– А какой прок это делать? – удивилась я. – Это что, как-то повышает профессиональный уровень? Или задание по социологии? Подсчитать, сколько человек, какого пола и какого возраста приобретут те изделия?

– Покупателями там и не пахло, – пробурчал Вася. – Дело было ночью, и ларек был закрыт.

– Тогда какой смысл? – еще больше удивилась я.

– Это у Андрея надо спросить, – мрачно произнес Вася. – Он меня просто втравил. Воспользовался тем, что я был влюблен в его сестру и настолько поэтому поглупел, что позволил выкинуть с собой такую штуку.

– Отвечай, – потребовала я у хранившего таинственное молчание Андрея. – Зачем ты это сделал? Поиздеваться решил над моим братиком?

– Да что ты! – замахал Андрей руками. – Я подслушал разговор двух ларечниц, они обсуждали недавний налет на соседнюю палатку возле нашей станции метро. Вернее, не столько обсуждали, сколько удивлялись тому, что после взлома ничего не пропало, кроме двух десятков упаковок презервативов.

– И ты решил провести собственное маленькое расследование? – догадалась я. – Просто в качестве домашнего задания?

– Ну да, – подтвердил Андрей. – Я прогулялся по ларькам и выяснил, что за последний месяц три из тридцати палаток

в районе площади Александра Невского подверглись влomu и грабежу. Причем из двух тоже пропали только презервативы. Я выяснил название и страну производителя этого товара, и выяснилось, что похитителей интересовали исключительно презервативы индийского производства, расфасованные по три штуки и без смазки и ароматических отдушек фирмы «Лямур».

– Французское какое-то название, – заметила я.

– Но на этом я не остановился, – не обратив внимания на мое замечание, продолжил Андрей. – Я отправился дальше по городу и через неделю уже выяснил, что в районе станций «Петроградская» и «Горьковская» имели место подобные налеты. Только двумя неделями раньше, и крали там все презервативы подряд. Изделия фирмы «Лямур» похитили только из одного ларька – они и были там только в одном ларьке.

– А зачем ты меня заставил тогда продежурить столько времени, пообещав все рассказать потом, и так ничего и не рассказал? – спросил у Андрея Васька.

– Экзамены начались, – смущенно проговорил Андрей. – Уже мне и не до того было. И потом, результата я так и не получил. Если хочешь знать, не тебя одного я упросил подежурить. Всем ребятам в группе я рассказал о своих планах, и мы разъехались по городу с целью найти ларьки и маленькие аптечки, торгующие этими презервативами. И вот таких ларьков оказалось столько, что ребят из группы не хватило.

Поэтому мне и пришлось привлекать к мероприятию друзей и просить их немного подежурить в ночное время.

– Ты надеялся поймать взломщиков? – неожиданно догадалась я. – Думал, что они польстятся на один из этих ларьков и вы их сцапаете?

– Что-то в этом роде, – согласился Андрей. – Только их можно было и не ловить. Можно было просто проследить за ними и выяснить, почему они похищают именно эти презервативы и что с ними потом делают.

– Что же здесь непонятного, это всякому ясно, – засмеялась я. – Сейчас каждый знает, что надвигается эпидемия СПИДа и единственный способ не заразиться – это безопасный секс. Ларьки, должно быть, взламывали молодые ребята, денег у них лишних не было, вот они и решали свою проблему таким способом. Сначала хватали все презервативы подряд, а потом разобрались, какие самые хорошие, и стали брать уже только их.

– Тем не менее я чувствую себя незаслуженно обиженным, – заявил Васька. – Мало того, что мне пришлось простоять возле ларька целую ночь, меня еще чуть не забрали в милицию. Дело в том, что когда я в четвертый раз увидел приближающегося милиционера, то спрятался в кусты, а он решил, что я злоумышленник, и вытащил меня из кустов. Потом еще и потешались надо мной.

– Кто над тобой потешался? Никто, кроме моей сестры, и не знал о том, что я тебя отправил дежурить, – возразил

ему Андрей.

– А что думаешь, этого мало?! – взвился Вася. – Она меня целый месяц потом изводила. Легко ли мне это было в моем-то положении?

Вася так расстроился, что чуть не плакал. Мы принялись его утешать, Андрей говорил, что не случилось ничего страшного, что все девки дуры. Это было, конечно, большим свинством с его стороны. Но затем Андрей напомнил Васе, что у моего брата теперь другая девушка. Братик этот факт как-то упустил из виду, но, припомнив, быстро начал приходить в норму.

– И в самом деле! – воскликнул он. – Больше такое не повторится.

Если он имел в виду, что сестра Андрея больше не будет потешаться над ним, то он был безусловно прав. Если же думал, что Андрей успокоится и не попытается втянуть нас в очередную неприятную историю, то тут он ошибался. Потому что уже на следующий день Андрей появился возле нашего домика чуть ли не в шесть часов утра. Во всяком случае, будильник показывал именно это время.

– Ты что, сдурел? – не очень-то любезно осведомилась у него тетка Зоя. – Ты хоть знаешь, который теперь час? Все люди еще спят.

– Ничего подобного, – ответил Андрей, одновременно стараясь просочиться мимо Зои внутрь дома. – Все уже встали, и знаете что главное?

Зоя не знала и совсем не горела желанием узнать. Но Андрей так просто никогда не отступал.

– Суреныч уехал в город! – торжественно произнес он. – Понимаете, чем это пахнет?

– Как это уехал? – недовольно спросила моя мама, разбуженная громкими голосами. – На чем? Машину свою за ночь починил?

– Не починил, уехал на автобусе.

– На каком еще автобусе? – влез в разговор заспанный Васька. – Первый автобус отходит в семь тридцать, а сейчас еще только шесть.

– Это у вас в доме шесть! – возмутился Андрей. – А во всем остальном мире уже начало десятого.

Насчет всего мира это он погорячился, но тем не менее факт оставался фактом, будильник стоял.

– Не может быть, – не поверила Зоя. – Я его вчера сама лично заводила.

– И я заводила, – встряла бабушка. – Еще перед сном он отлично ходил.

В результате выяснилось, что будильник сломан. После легкого потряхивания его задняя панель отвалилась и изнутри посыпались винтики и шестереночки.

– Кто-то тут на славу потрудился, – заметила бабушка. – Только кому это ночью понадобилось портить наш будильник?

– Почему ночью? – переспросила моя мама.

– Потому что с вечера он был в полном порядке, – рассудительно заметил Вася. – Я перед сном брал его в руки, от него ничего не отваливалось.

– Вот вам и ответ, – сердито пробурчал Слава. – В следующий раз думай, прежде чем что-то хватать.

– Помню, когда ты был еще крошкой, как-то мне сказал: «Знаете, тетя Таня, любую вещь можно разобрать на маленькие, маленькие кусочки», – пустилась в воспоминания моя мама.

– Вы чего это? – поразился Вася. – Меня подозреваете?

– Ну и ладно, – поспешила примирить стороны Зоя, но по ней было видно, что и она не очень-то поверила своему дорогому сыночку.

– Вы на рыбалку едете? – неожиданно спросил Андрей. – Сейчас самая пора. Пока к вам шел, мимо меня целая армия с удочками прошлепала. Свежие бычки, когда они еще пахнут морем, просто пальчики оближешь!

Фраза о деликатесных бычках мигом отбила у Славы всякую охоту обсуждать что-либо другое. Он оживленно принялся выпрашивать у Андрея, кто, сколько и чего принес вчера с моря, а также обсуждать с ним места, куда лучше направиться. В результате, когда мы закончили завтрак, план был уже выработан. Феноменально рыбное место находилось всего в двадцати километрах. Вообще-то рыбных мест было пруд пруди и ближе, но о том участке берега рассказывали уж форменные сказки. Поэтому решено было ехать туда на

Славиной машине. С собой дядька согласился взять меня, Васю и Андрея. Бабушка от этой затеи отказалась, заметив, что из ума еще не выжила, чтобы скакать по лесам, где на деревьях притаились клещи, а под ногами коварные, укрытые мхом ямки, где так легко сломать ногу, а то и обе. Слава бабушкин отказ принял легко и помчался к своей машине.

Мы едва успели натянуть ботинки и накинуть на себя непромокаемые накидки – дождь не прекращался, – как Слава уже нетерпеливо гудел нам, требуя поторопиться. В итоге я забыла сачок, а Вася свой спиннинг, который хоть и уступал Славиному автомату, но все-таки был хорош.

– Ну точно пути нам не будет, – заявил он, когда обнаружил свою оплошность.

– Не каркай! – рывкнул на него Слава. – Доедем с ветерком.

Увы, ветерка не получилось. Уже через несколько минут Слава недовольно крикнул и сердито спросил:

– Ну вот, можете радоваться, бензин на нуле. Придется возвращаться.

– Ты забыл заправиться? – радостно переспросил его Вася, который с самого утра бубнил, что ехать на рыбалку по такой погоде сродни самоубийству.

Слава метнул на своего единственного отпрыска уничижающий взгляд и пробормотал что-то вроде того, что всегда мечтал иметь дочку.

– Возвращаемся, – решительно заявил Слава. – Бензина

едва хватит, чтобы дотянуть до кемпинга. О том, чтобы добраться до бензоколонки, и речи быть не может. Разживемся дома у кого-нибудь бензином и снова поедем.

– Представляю, как все будут потешаться над нами, – уныло промямлил Андрей. – Сунут нам под нос полные корзины и будут хихикать, что они без всяких машин наловили кучу рыбы, а мы возвращаемся с пустыми руками. А потом еще станут жарить ее у нас под носом.

Славе такая мысль тоже приходила в голову, и она ему очень не нравилась. Однако другого выхода, кроме как повернуть обратно, не было. Бензина было и в самом деле мало, счетчик уже давно показывал абсолютный нуль. И двигались мы до сих пор, должно быть, только благодаря остаткам оксида азота, которые заблудились в двигателе и позволяли тому работать.

Чтобы срезать дорогу и сохранить последние капли бензина, Слава свернул на узкую и мало используемую по назначению дорожку. Ехать по ней приходилось очень осторожно – от дождя она совершенно раскисла и превратилась в нечто, сильно напоминающее болото. И вот там, где эта дорожка выходила к берегу моря, мы все разом (исключая, понятно, Славу, который если и отрывал взгляд от дороги, то только чтобы взглянуть на приборы, видимо, надеясь, что они вдруг покажут, что бак полон) увидели место, просто созданное для рыбалки в дождливую погоду. Нас просто поразила навес, и не просто из полусгнивших от жары и дождей

досок, а из самых настоящих крепеньких брусьев. Тут даже Вася забыл про свое брюзгливое настроение и буквально завопил:

– Стой!

Слава испуганно вздрогнул и отдернул ногу от педали газа. Машина резко встала, а водитель разразился серией проклятий, адресованных своему дорогому сыночку.

– Почему ты такой придурок? – спросил он у моего брата, и, к счастью для себя, не дожидаясь ответа, добавил: – Теперь мы тут надолго застряли. Что хоть случилось?

– Целое море, а в нем полно рыбы! Она просто плещется! – восхищенно ответил за Ваську Андрей и попал в точку, так как воды вокруг и в самом деле было предостаточно.

– Что море, это точно, – скорбно заявил Слава, пробуя завести машину.

Это ему против ожидания удалось, и он восхищенно прищелкнул языком, отдавая дань своему мастерству водителя. Теперь его голова не была занята машиной, и он обернулся к нам как раз вовремя, чтобы увидеть, как Андрей, выпрыгнув из салона и размахивая удочкой, мчится к бухточке, где резвится тьма-тьмущая рыбы.

– Господи! – ахнул Слава и тоже выскочил из машины.

Мы с Васей рассудили, что глупо теперь и даже опасно оставаться сидеть в машине, и тоже вылезли. Глупо – потому что на турбазе будут смеяться только над нами с Васькой, вернувшимися без улова. Опасно же потому, что Сла-

ва может в этом случае поручить нам делать что-нибудь менее приятное. Например, собирать ежевику, а она в этом году уродилась очень уж колючая, или кизил, который остался сейчас только поглубже в горах, и потому его сбор – настоящая пытка.

– Как нам повезло! – восхищенно восклицал Андрей, раз за разом закидывая удочку и проворно складывая к себе в корзину упругих блестящих рыбешек.

Когда он повторил эту фразу в шестой или седьмой раз, со стороны дороги раздался достаточно громкий хлопок. Мы с Васькой почему-то вместо того, чтобы в страхе замереть, поспешно вскарабкались на пригорок. Оттуда мы увидели, как Слава, выронив из рук пойманную рыбу, медленно поворачивается к своей машине, ожидая увидеть полыхающее зарево. К нашему удивлению, машина внешне не пострадала. Она была в порядке, если не считать нескольких струек синего дыма, вырывавшихся сзади из-под днища автомобиля.

Струйки не обнадеживали. Слава залез под машину и констатировал:

– Кто-то испортил наш глушитель.

Мы дружно застонали, так как поняли, что добираться до турбазы нам придется пешком. К тому же придется еще тащить на себе пострадавшую машину. В таком состоянии ехать она не могла, то есть, может, и могла, но Слава не разрешил нам это проверить. Он опасался, что если автомобиль тронуть, то у него еще что-нибудь взорвется.

– Что же это такое? – растерянно повторял Слава. – Сначала у Суреныча, теперь у меня. Кто же следующий?

Поежившись, Андрей заметил, что его папа должен быть ему благодарен за то, что еще зимой он разбил их «жигуленок». По крайней мере машина находится в безопасности в гараже у слесарей и ей не грозит погибнуть от зловещей эпидемии, которая поразила турбазу.

– Толкайте! – распорядился Слава, и мы дружно налегли на машину, стараясь сдвинуть ее с места.

Это был дохлый номер. Дорога шла в гору, и машина двигаться отказывалась. Во всяком случае, наших усилий было недостаточно, чтобы бодро покатить ее в сторону кемпинга. Мы с Васькой делали вид, что толкаем изо всех сил, а Слава с Андреем, сдается мне, и в самом деле старались.

– Бог в помощь! – неожиданно услышали мы ехидный голос.

Возле небольшой пальмочки собственной персоной стоял Суреныч. Стоял и наблюдал за нашими тщетными усилиями.

– Сломалась? – поинтересовался он.

– Взорвалась! – рявкнул Слава. – Только бензина было мало, вот она и не взлетела на воздух, как твоя.

Услышав это, Суреныч мигом переквалифицировался из злорадного зрителя в сочувствующего помощника.

– Фима! – крикнул он. – Быстро сюда. Твоя помощь нужна.

Если с головой у появившегося из-за камня Фимы было

не слишком хорошо, то физической силой его природа не обидела. К тому же, плохо соображая, он всегда четко следовал указаниям, а потому сейчас старался и налегал на совершенно ненужную ему колымагу со всем прилежанием.

Всю дорогу старшее поколение почем зря ругало неизвестных злоумышленников. Домой Суреныч со Славой вернулись уже большими друзьями. Суреныч повторил свое приглашение на уху, пиршество должно было состояться сразу же после того, как он поймает обещанную рыбу.

– А разве вы не уехали в город? – спросил Андрей у Суреныча.

– А почему я должен был туда уехать? – удивился он в ответ. – Я ездил встречать страхового агента, а то бы он ни в жизнь не добрался до нас.

Его слова заставили бедного Славу просто подпрыгнуть.

– Что с тобой? – испугался Вася.

– Страховка, – закатывая глаза и норовя упасть в обморок прямо под колеса своего драндулета, прошептал Слава. – Я ее не оформил.

Васька разинул рот:

– Но мама же тебе специально выдала на это деньги.

– Верно, – обреченно кивнул Слава. – Я и поехал. Но оказалось, что надо было ждать страхового агента, который оценит машину, а время меня поджимало. И я решил, что в такой глухомани, как наш кемпинг, ничего с машиной не случится. Никто угонять ее не станет, а если и станет, то самому

дороже будет. Я поклялся застраховать свою красавицу на отпускные деньги. Кто виноват, что отпускные у нас платят уже после отпуска или в лучшем случае в его середине?

– А что ты купил на деньги, которые у тебя были? – потребовал ответа Васька. – Спиннинг, да?

– Да, – виновато кивнул Слава. – Но ты ведь не расскажешь об этом маме?

– Не расскажу, если дашь нам его, чтобы сходить на рыбалку, – Вася быстро сообразил, как извлечь выгоду из создавшегося положения.

Слава только рукой махнул, признавшись, что теперь глаза бы его не глядели на проклятый спиннинг. Пусть Вася его забирает себе. У него же будет масса хлопот с милицией, и потому ему не до рыбалки.

– Маме снова придется составлять список, – хихикнул Васька, который как-то легкомысленно отнесся к свалившемуся на семью несчастью. – Милиционер Игнатенко будет доволен. Он будет сверяться с двумя списками и если два раза подряд встретит одну и ту же фамилию, то можно считать, что преступник уже у нас в кармане.

– Интересно, чей список будет длиннее? – хотела спросить я, но в разговор вмешался Суреныч.

– О каких это списках вы толкуете? – уставился он на Андрея, и эта простая душа немедленно удовлетворил его любопытство.

– Как! – Суреныч буквально раздулся от возмущения. –

Вы взяли на себя смелость указать, кто мой враг, а кто нет? Вы ввели следствие в заблуждение. Только я сам могу точно сказать, с кем дружу, а кто, может, имеет зуб против меня. Не ожидал я от вас.

Сделав это заявление, он зашагал прочь, оставив нас в недоумении, как понимать его последние слова. То ли в глазах этого человека составление списка его недоброжелателей было делом более скверным, чем взрыв его машины, в котором он, ничуть не сомневаясь, обвинял нас. То ли за ночь его мнение о нашей семье почему-то резко пошло вверх и так бы и шло себе, суля нам некоторые блага, если бы Андрей все не напортил.

Слава отправился звонить в милицию, а мы остались ждать возле безжизненной машины результата его переговоров. Тут нас и нашел лейтенант Игнатенко, сопровождаемый каким-то невзрачным человечком.

– Привет! – сказал лейтенант, увидев меня. – Что это вы тут сидите?

– Вас ждем, – ответила я чистую правду, но лейтенант почему-то страшно смутился и покраснел.

– А зачем? – пролепетал он, видимо, ожидая услышать не меньше, чем признание в любви.

– Нам тоже подложили бомбу, – поспешно заявил Васька, которому явно не понравилось, что милиция того и гляди растает от нежных чувств, а ей ведь надо все силы прилагать к тому, чтобы выловить преступников.

Я снисходительно усмехнулась Васькиной наивности. Можно подумать, что найдется чужак мужского пола, который предпочтет беседе со мной ловлю каких-то там преступников. Но, к моему удивлению, лейтенант решил убить сразу двух зайцев. То есть со мной он беседовал, но только по делу. Я поклялась, что отомщу своему братику при первой же возможности.

– Очень кстати, что ваша машина не сгорела дотла, – отметил лейтенант после того, как мы ввели его в курс дела. – Мы с экспертом только что осмотрели первую машину, но от нее так мало осталось, что определить что-либо практически невозможно. А вот ваша машина – другое дело. Прекрасный образец.

Мы распрямили плечи и подняли головы, как и полагается людям, которые внесли ощутимый вклад в розыск преступника.

– Еще не известно, один ли злоумышленник действовал в обоих случаях, или это были разные люди, – подала голос невзрачная личность, сопровождавшая Игнатенко. – Но подозреваю, что это дело рук нашей шайки.

Эксперт с лейтенантом обменялись понимающими взглядами, при этом эксперт запустил обе руки в резиновых перчатках прямо в недра Славиной машины и добросовестно начал в ней копать. Именно за этим занятием его и застал Слава. Эксперт был одет в потрепанные брюки и выдававшую виды куртку, которые ничем не выдавали в нем работ-

ника правоохранительных органов. Лейтенанта Слава в первый момент не увидел. Поскольку нервы у него были и без того расшатаны, то он очень близко принял к сердцу, что какой-то хмырь продолжает курочить его уже пострадавшую машину. Мой дядя дико взвыл и бросился со всех ног к своей любимице.

– Пошел прочь отсюда! – гневно прошипел он, отвесив солидный пинок по тощей заднице злоумышленника. – Ты что тут ковыряешься?

При этом он попытался оттащить от своей машины эксперта, который, не сообразив, чего от него хотят, сопротивлялся и кричал, что не закончил дело.

– Я тебе сейчас покажу дело! – возмущался Слава, ухватив эксперта за воротник куртки.

Эксперт нам попался на редкость добросовестный. Другой бы на его месте давно плюнул на машину и вступил в дискуссию с противником. Но наш продолжал упрямяться, перебирая какие-то проводочки и позвякивая какими-то железками внутри машины, что, разумеется, не вызывало в душе Славы прилива добрых чувств. Он тянул эксперта изо всех сил, неприятель держался изо всех сил. Однако силы были слишком не равны, и в результате победа оказалась в Славиных руках, а в руках эксперта остался лишь клочок выдернутых проводов...

– Так! – многозначительно констатировал Слава.

– Ничего не так! – обрел наконец голос эксперт. – Сами

виноваты!

Неизвестно, что бы ему возразил Слава, ибо в пылу сражений он, бывало, не слишком стеснялся в выражениях, но тут дядя увидел лейтенанта, который появился из-за куста.

– А-а! – обрадовался Слава. – Вот и милиция. Очень кстати!

– А я здесь уже давно, – сообщил ему лейтенант, – и все видел. Что же вы нападаете на нашего сотрудника? Я его специально привел, чтобы он определил, что случилось с вашей машиной, а вы его за шиворот?

Слава, разинув рот, растерянно посмотрел на лейтенанта, потом на эксперта, который, воспользовавшись возникшей заминкой, всунул оторванные провода хозяину машины в руки и поспешил ретироваться.

– Придется вам за деталями ехать в город, – порекомендовал он с безопасного расстояния. – Карбюратор у вашей «Волги» совсем никуда, и проводку менять надо. Что вам в машину запихали – ума не приложу. Однако вам еще повезло, потому что в момент взрыва у вас бензин уже весь вытек. В топливном баке есть старая течь, наспех заклеенная какой-то дрянью. А глушитель у машины совсем отвалился. Должно быть, там и был произведен мини-взрыв.

Слава мрачно проводил милиционеров взглядом и тяжело вздохнул.

– В город прокатиться не хотите? – предложил он нам.

Но мы дружно его заверили, что нам и тут хорошо. Охота

была на электричке трястись.

– Ну как знаете, – проговорил Слава и ушел.

– Мой тоже в город намылился, отправил меня узнать, когда ближайший автобус, – сказал неожиданно появившийся из-за кустов Фима. – Все не может успокоиться. Говорит, что знает нужных людей, которые ему мигом найдут шутников и как следует накажут их.

После Фимкиного заявления по спине у меня пробежала неприятная дрожь. Мстительный Суреныч и в самом деле может нанять каких-нибудь громил, чтобы они разделались с шутниками, посягнувшими на его машину. А коль скоро он считает, что эти шутники принадлежат к нашему семейству, то вывод напрашивался сам собой. Было от чего похолодеть и броситься следом за Славой к нашему домику.

– Куда ты? – догнав меня, на бегу спросил Вася.

– В город.

– Зачем? – искренне удивился Андрей, который тоже присоединился к нам.

Все-таки мой братец мог бы более осмотрительно выбирать себе друзей. Нельзя же и в самом деле дружить с настолько плохо соображающим типом.

– Неужели вы думаете, что я буду бездействовать, сидя на турбазе, в то время как Суреныч нанимает каких-то таинственных нужных людей, которые наверняка приедут разбираться с нами. Надо на них хотя бы взглянуть, чтобы знать, кого опасаться, – пояснила я мальчишкам, взбегая на крыль-

цо нашего домика и в очередной раз спотыкаясь об оставленные кем-то на ступенях кастрюли и сковородки.

– Автобус отходит через час, – сообщила я Славе, который все еще не решался расстаться с вырванными из чрева машины проводками. – Мы едем на нем.

– Думаешь, это не слишком рискованно? – засомневался Васька.

– Не набросится же Суреныч на нас среди бела дня, а ночью он может не заметить слежки, – возразила я, поспешно запихивая в сумку самые необходимые вещи. В моем понимании это были: зонтик, непромокаемая куртка и запасной теплый свитер.

– На нас? – переспросил Васька. – Ты с кем собралась? Папа поедет только завтра с утра. В любом случае шпионить за Суренычем ты его не уговоришь.

Отвечать мне не понадобилось, так как в дверях возникла долговязая фигура Андрея с рюкзаком в руках.

– А ты куда? – удивился Васька.

– В город, надо же в самом деле выяснить, что там Суреныч собирается предпринять, – бросив рюкзак на пол, ответил Андрей.

– Он же сказал, что собирается переговорить с нужными людьми, – заметила я, бросая свою сумку рядом с рюкзаком Андрея.

– Это он так сказал. Что же на самом деле будет происходить в городе, нам и предстоит выяснить, – поставил точку

Андрей.

– Что же это получается? – загоlosил Васька. – Я остаюсь на турбазе один? То есть не один, а с мамой, тетей Таней и бабушкой. Но они же меня загоняют со своими заготовками! Я тоже хочу в город с вами.

В итоге на остановке автобуса собралась приличная толпа отъезжающих и провожающих.

– Что ты в городе будешь делать? – в очередной раз пыталась у меня моя мама. – Оставайся здесь.

Каждый раз в ответ я бубнила нечто невразумительное, но означавшее, что я вернусь как можно быстрее, буду следить за младшим братиком и своим здоровьем и не позволю себе и ему влипнуть в какую-нибудь историю. Суреныч, обнаружив нас на остановке, не слишком обрадовался, но, поразмыслив, сделал вид, что нас не видит. Если учесть, что автобусная остановка размерами немногим отличалась от обеденного стола, то выглядело все это довольно глупо. В автобусе Суреныч продолжал не замечать нас, что было нам на руку, ведь мы вели за ним наблюдение, хотя он об этом не знал.

– В городе разделимся, – мечтательно протянул Васька, когда мы уже устроились в вагоне электрички. – Разделимся, и у Суреныча будет поменьше поводов для тревоги.

– С каких это пор тебя начало волновать его душевное состояние? – съехидничал Андрей.

– С тех пор, как он вознамерился нанять каких-то хмырей,

чтобы они с нами разобрались, – отпарировал Вася.

Андрей, видимо, счел это достаточно весомым объяснением, потому что больше вопросов не задавал и в городе беспрекословно согласился разделить. Такая покорность должна была нас насторожить, но нам было не до раздумий, так как Суреныч припустил бодрой рысцой, и мы едва успевали за ним.

– Старый хрыч! – бормотал Вася, пыхтя и отдуваясь. – Как ему удастся так споро перебирать ногами? Он же старше нас с тобой, вместе взятых.

– Он не курит, – пояснила я. – А ты смолишь словно паровоз. Вот и результат. И как ты умудряешься играть в футбол? Хотя чего я удивляюсь, теперь мне понятно, почему ваша команда вечно проигрывает.

Васька обиделся и нахохлился, насколько это было возможно на ходу. Затрагивать тему футбола явно не стоило. Но вдоволь поссориться мы не могли: Суреныч все время нервно оглядывался, вынуждая нас с Васей прятаться за окружающими предметами, которые зачастую бывали достаточно малы и плохо нас укрывали.

– Какой шустрый старичок, – пыхтел Вася, пригнувшись за фруктовым лотком, который подвернулся ему под руку. Мне повезло меньше, я пряталась за железным забором, в котором было столько дыр, что забором он мог называться чисто номинально и прятаться за ним было сущим мучением.

– Может, у него хоть со зрением плохо?! – с надеждой проговорила я.

– Как у горного орла, – разочаровал меня Вася. – И где таких выращивают?

Суреныч тем временем приблизился к подземному переходу и уже собирался нырнуть в него, когда Васька толкнул меня в бок и убито прошипел:

– У меня галлюли.

– Какие еще «галлюли»? – недовольно переспросила я. – Что ты выдумываешь?

– Мне показалось, что я только что видел Андрея, – прошептал Вася. – Погляди туда. Он стоял возле газетного киоска.

Я посмотрела в сторону, куда он указывал рукой, но никого знакомого не увидела и, естественно, рассердилась. Не хватало, чтобы еще и мой братик морочил мне голову. Мало мне моих чокнутых подружек.

– Хватит валять дурака, Суреныч сейчас смоемся. Он на месте не стоит, пока ты тут фантазируешь.

Вася внял моим словам и тронулся с места. Суреныча мы догнали только, когда он уже садился на трамвай.

– Куда это он намылился? – удивился Вася, когда мы запрыгнули в следующий трамвай, который, к счастью, следовал по тому же маршруту. – Живет он совсем в другой стороне. Неужели у него любовница?

– Размечтался, – ухмыльнулась я. – Да ему такое и в го-

лову не придет, на любовницу тратиться надо, а для такого скупердяя это смерти подобно. Он коньки бы отбросил, едва она заикнулась бы о подарке или о походе в ресторан. Любовницы у него нет, это я тебе как женщина говорю.

Васька поник головой и обреченно сказал:

– В таком случае он едет к своим знакомым, которые и будут нас убивать.

– Ну уж сразу и убивать, – расстроилась я. – Может быть, сначала поугаают.

– Пугают, когда в этом есть смысл, то есть надежда, что напуганный человек вернет деньги, а у нас денег нет, значит, и пугать нас нет смысла. Можно сразу убивать, – убежденно сказал Вася.

Хорошенько поразмыслить над его словами на ходу у меня плохо получалось, поэтому мне показалось, что в его словах есть смысл. Это меня сильно огорчило.

– Придется узнать, сколько он им посулил, и предложить больше, – выдавила я из себя. – Суреныч такой жадина, что у нас может получиться.

– А вдруг это его друзья или родственники? – грустно предположил Вася.

– Ты бы поручил такое грязное дело своим родственникам? – поинтересовалась я у него.

– Я бы нет, но у южных людей все иначе. Они ради родственника готовы пойти на любую гадость.

Я начала прикидывать, откуда у моего брата, выросше-

го на севере и только единственный раз побывавшего южнее Днепропетровска, такие мысли. Однако ничего подходящего в голову не приходило. Ехали мы минут пятнадцать, и трамвай удалялся от подобия цивилизации все дальше и дальше. Вокруг образовались подозрительные пустыри, заставленные гаражами или чем-то отдаленно их напоминающим. Улочки становились все более безлюдными, как и должно было быть в местах отсутствия жилой застройки. На горизонте вырисовывалось здание больницы, это было единственное обитаемое здание, но до него было слишком далеко.

– Больница – это удачно, – шепнул мне Васька. – Если с нами что случится, то кто-нибудь сразу же окажет помощь.

– Никто нам, кроме нас самих, не поможет, – заверила я его. – Не надейся. Смотри лучше за Суренычем.

Нам пришлось красться вдоль длинного деревянного забора, следуя по пятам за Суренычем. При этом он шел все же по дорожке, какой бы узенькой она ни была, а мы продирались сквозь кусты, которые в этом месте как назло необычайно разрослись. Наконец все втроем мы завернули за угол. Первым, естественно, Суреныч, немного погодя – мы с Васькой. За углом Суреныча не было...

– Куда он подевался? – испугалась я, бросаясь вперед.

Я успела изрядно пробежаться вдоль забора, прежде чем услышала Васькин крик.

– Иди сюда! – звал он меня, размахивая руками, потом

приблизился к забору и... тоже исчез!

Я бросилась к тому месту и увидела лишь торчавшую откуда-то ногу. Нога была, безусловно, моего брата. Во всяком случае, ботинок был точно его. Горестно взыв, я вцепилась в единственную уцелевшую часть моего братика и потянула ее к себе.

– Ты что, сдурела? – слышался раздраженный Васькин голос. – Нашла время для шуточек. Помогла бы лучше, я тут зацепился. Дыра слишком узкая.

От его окрика я несколько пришла в себя, равнодушно протолкнула его ногу внутрь, недоумевая, как всего мину-ту назад я могла испытывать к этой ноге какие-то особенно теплые чувства, и пролезла в дыру сама. Мы оказались на задворках довольно пустынных гаражей.

– Суреныч пошел туда, – махнул рукой Васька. – Я видел. Мы поспешили в том направлении и чудом не налетели на самого Суреныча, разговаривавшего с двумя явно подозрительными типами.

– Форменные уголовники, – прошептал мне на ухо Вася. – Мне Андрей фотографии особо опасных заключенных показывал, там такие же рожи.

После его слов я и сама удостоверилась, каких мрачных типов выбрал себе в соучастники Суреныч. Один из них больше всего напоминал черта лысого, такой он был маленький, с голым черепом и вертлявый. Он постоянно крутил в своих паучьих лапках гаечный ключ, казавшийся рядом

с его фигуркой просто огромным. Его навывек глаза горели демоническим огнем. Во всяком случае, нам так показалось. Второй тип был выше среднего роста и по сравнению со своим приятелем казался почти толстяком. Главенствовал на его физиономии, бесспорно, нос. С первого взгляда было понятно, что нос – это его самое значительное достижение в этой жизни.

Не могу сказать, что оба субъекта обрадовались появлению Суреныча, но руки ему пожали. Один вцепился в правую, а другой в левую. К моменту завершения этого странного ритуала мы как раз подкрались к ним довольно близко, чтобы подслушать хотя бы часть их разговора.

– Не получится, – ответил лысый. – Работы прорва. Боюсь, что и с полученными заказами не справимся. Убитых очень уж много.

– Мне убитых не нужно, – открестился Суреныч. Мы с Васькой облегченно перевели дух.

– А других не получится, – огорошил нас лысый, и мы мигом насторожились, преисполнившись к нему неприязню.

Что ему стоило согласиться? Зачем обязательно убивать? Мало того, что лысый, так еще и упрямый. Хуже качеств не найти. После этого троица удалилась в открытый гараж, проследовать туда за ними мы не решились и, оставшись на улице, принялись обсуждать услышанное.

– Может, у него еще и не выгорит, – нерешительно предположил Васька. – Может, он на мокрое дело не пойдет, а

ребята на другое не согласятся.

От таких предположений я покрылась холодным потом и почувствовала, что мне просто необходимо услышать, чем закончится торг. Осторожно перемещаясь за старыми автомобилями, я оказалась напротив открытой двери гаража. Обратно я вернулась с помертвевшим лицом и с совершенно непослушными зубами, которые помимо моей воли отбивали задорную чечетку.

– Что там? – нерешительно спросил у меня Васька, словно сомневаясь, стоит ли ему на самом деле это узнавать.

– Он передал им деньги, – обреченно ответила я. – Видимо, они столковались и сделка состоялась.

– Странное место эти душегубы себе выбрали, – совсем не к месту заметил Вася. – Я всегда думал, что убийцы ошиваются в более романтичных местах, а не среди разбитых машин. Как думаешь, зачем им столько «Волг»?

– Для маскировки, – уверенно заявила я.

– А почему именно «Волга»? Смотри, сколько их здесь. Раз, два, три, четыре и еще пятая, за которой ты пряталась.

– Слушай, – рассвирепела я. – Ты что тут, в арифметике практиковаться собираешься? Думай, как нам разрушить их планы.

– Можно украсть деньги, что им передал Суреныч, – предложил Васька. – Нет денег, нет договора. Вряд ли они будут работать на чистом альтруизме.

– Как украсть? – тоскливо проямлила я. – Ты бы видел,

как тот жирный в них вцепился. Он прямо-таки зубами в них впился. Каждую купюру пересчитал и обнюхал.

– Понятно, почему у него такой нос, – задумчиво произнес Васька. – И много там было купюр?

– Пятнадцать бумажек, а какого достоинства, я не разглядела.

– Бумажки скорее всего по сто долларов. Такие деньги и я бы стал тщательно прятать, – признался Васька. – К тому же эти типы не производят впечатление богатеев. Тогда можно просто за ними проследить. Не будут же они нас убивать, если мы все время будем скрываться позади них. Они про нас даже не узнают, то есть в идеале не должны про нас узнать.

– Таскаться за ними по всему городу? – ужаснулась я. – И как ты себе это представляешь? Они загружаются в машину и едут, а мы бодрой рысцой трусим следом, старательно делая вид, что нам до них нет никакого дела?

– А наши фотографии Суреныч им показывал? – внезапно спросил Васька.

– А откуда они у него? – удивилась я.

– Выкрал, – пояснил мне братец. – Когда забирался к нам, чтобы сломать будильник, то заодно и фотографии украл.

Я молча поразились коварству Суреныча и проницательности моего брата. Видимо, пребывание в их обществе плохо сказалось на моих умственных способностях.

– Фотографий я у него не видела, – осмелилась я утверждать, но Вася развеял мои сомнения, разъяснив, что я про-

сто не успела их увидеть.

Но тут я вспомнила, как перед самым нашим отъездом бабушка кричала мне с другого конца комнаты: «Ты фотоаппарат взяла?», а я в это время тщетно пыталась закрыть пузатый чемодан, который набила так, что он готов был лопнуть. «Взяла!» – огрызнулась я, отказываясь от борьбы. И, заглянув внутрь чемодана, сразу же обнаружила, что причиной его саботажа был толстый семейный альбом. Начинался он с фотографии моей прабабушки, но при этом был заполнен всего лишь наполовину. Какой-то мой родственничек с неизвестными мне целями решил прихватить этот альбом с собой. Альбом я, не задумываясь, потихоньку сунула под Васин диван в ящик с его младенческими игрушками, справедливо рассудив, что их-то уж он точно с собой не потащит.

– Фотографий мы с собой не брали, – со знанием дела произнесла я.

– Как не брали, если я альбом сам положил в чемодан!

– Что один человек положит, то другой всегда вынуть может, – сообщила я ему.

– Значит, версия с фотографиями отпадает, – констатировал Вася. – Ну это и к лучшему. Теперь мы совершенно безбоязненно можем следить за ними. Нас они не узнают. Интересно, а как в таком случае Суреныч планировал наше устранение?

– Должно быть, кто-то из этих парней приедет к нам, поселится в лесу и, когда ты или я, а лучше оба отправимся по

лесной дорожке к морю, то...

– Нет, с нами двумя ему одному не справиться, – принял-ся разглагольствовать Вася. – Вот если у него будет пистолет с глушителем, тогда можно. А голыми руками ему нас не взять. Вдвоем мы даже с тем толстым справимся. А уж худого даже ты можешь одолеть.

Я открыла рот, чтобы сообщить, что ни в какой лес меня теперь и на аркане не затащишь, поэтому и рассуждать нет смысла, как Вася толкнул меня.

– Суреныч возвращается!

Мы проворно юркнули за очередную «Волгу», у которой были тонированные стекла почему-то только с одной стороны. Таким образом мы Суреныча видели, а он нас разглядеть не мог. Ликом Суреныч был светел, мало того, он просто весь светился от радости. И при этом потирал руки с видом человека, заключившего необычайно выгодную сделку, что было нами воспринято как настоящее оскорбление.

– Я, конечно, знал, что он скотина, но не настолько же, – выразил наше общее мнение Вася. – Не я первый начал, но теперь пусть пеняет на себя.

– Пусть, – с радостью согласилась я, и мы принялись ждать, когда можно будет приступить к слежке за нашими убийцами.

А в это время Андрей, посчитавший себя несправедливо отстраненным от слежки за Суренычем, решил провести

свое собственное расследование. Он был уверен, что у него на этого негодяя ничуть не меньше прав, чем у Васьки с сестрицей. Ну и что с того, что убить или избить планируется именно их, любой человек может при желании помешать совершению преступления, и потенциальные жертвы ему в этом препятствовать не должны. С этой мыслью он отправился к дому, где жила престарелая родственница Суреныча и где сам Андрей бывал несколько раз в гостях у Фимы.

Если ему не изменяла память, то Фима звал ее бабушкой. Старушка, несмотря на свой преклонный возраст, была полна сил и энергии, хотя основательно глуховата. Переносить общение с шустрой старушкой порой бывало трудно. Например, она обожала зазвать к себе какого-нибудь несчастного сантехника и потом несколько часов мурыжить парня своими рассуждениями и советами, как полагается чинить краны. Молодые люди, собирающие подписи для депутатов, посетившие, на свое несчастье, ее владения, вырывались оттуда бледными и быстро находили себе другой источник доходов. Хуже всех приходилось распространителям слова божьего, потому что старушка любила их больше всего. Вообще старушка свои жертвы никогда легко не выпускала. В этом ей здорово помогала ее глухота, она просто не слышала слов собеседника, а стало быть, с легким сердцем могла не заметить и его попыток откланяться.

Но в последние дни старушке не везло. Гости к ней не заходили, родичи все не ехали, а страховые и прочие аген-

ты давно обходили ее квартиру стороной. Поэтому появление молодого человека, которого она смутно припоминала по немногим визитам к ее внуку, она восприняла как посланца с небес. Андрей и сам не мог толком сказать, какого черта он приперся в этот дом, зная, что Суреныч в городе и в любую минуту может нагрянуть, чтобы проведать старушку. Не думал же он в самом деле, что детали взрывных устройств будут разбросаны у Суреныча по всей квартире и на самом видном месте. Но бабуля так приветливо улыбалась и так настойчиво приглашала войти, что Андрей не удержался и вошел. Дверь с оглушительным лязгом за ним захлопнулась. Оглянувшись, парень увидел, что лязг издавали многочисленные замки ригельные и замочки французские, крюки и крючочки, засовы и задвижки, цепи и цепочки. Обнаружил он и парочку навесных замков, которым больше бы пристало запирать дверь сельского амбара. Бабушка проворно запирала все их, и в душу Андрея впервые закралось нехорошее предчувствие.

– Пойдемте пить чай, – пригласила его старушка, покончив с замками.

На кухне никого не оказалось, кроме огромного черного кота, которого Андрей не видел в свои прошлые посещения. Недовольно фыркнув, кот смерил его откровенно оценивающим взглядом, от которого Андрей невольно поежился. Внезапно из ванной донесся шорох, вогнавший Андрея в холодный пот. Вернее, вогнал его не сам шорох, а мысль о том, что

Суреныч может не только вот сейчас здесь появиться, но уже давно появился и просто до поры до времени не показывается на глаза. Но тут перед Андреем возникло блюдо аппетитных булочек, посыпанных корицей и сахарной пудрой, и он немного перевел дух. К тому же на столе было только две чашки, одна у Андрея, а вторую бабушка поставила себе.

— А вы одна сейчас живете? — брякнул Андрей, не подумав, что вопрос не мешало бы сформулировать как-нибудь иначе.

К счастью, старушка его не услышала, а, пододвинув к Андрею блюдо с булочками, сказала:

— Да, погода просто издевается над нами. То солнце сияет, а то дождь зарядил уже второй день. Это вы, молодой человек, правильно заметили. Вот что я вам скажу, когда мне было столько же лет, сколько вам, увлеклась я одним красавцем летчиком.

Андрей попытался вставить слово, но понял, что до тех пор, пока бабушка не закончит свое повествование, это бессмысленно.

Мы с Васькой, переместившись теперь за блестящую новенькую «Волгу», припаркованную прямо напротив дверей гаража, оживленно ругались между собой. Вася обвинял меня в том, что я должна была отправиться за Суренычем, потому что меня он меньше знает, а я шипела, что ни за что не оставила бы его тут одного.

– Я не один, – возмущался Васька. – Нас тут было бы трое.

У меня язык отнялся от возмущения, и я не успела ему высказать все, что я думаю о его умственных способностях. Я бы, конечно, справилась с собой, но мне помешали двое наших предполагаемых убийц. Толстый вывел из гаража новенькую, сверкающую черным лаком «Волгу» и сразу же ушел обратно. Оттуда вышел лысый и метнулся к багажнику. Вытащив из него какой-то пакет, он тоже вернулся в гараж.

– Пора! – скомандовал Вася и, прежде чем я успела его остановить, бросился к машине бандитов.

– Куда?! – только и успела я пискнуть, увидев, как ноги моего братца мелькнули в багажнике «Волги».

Не помня себя от страха, я бросилась за ним следом.

– Ты тут не поместишься! – предостерег возмущенный Васька, увидев, что я пытаюсь влезть к нему.

– Если ты поместился, то и мне места хватит, – рявкнула я, втискиваясь рядом с ним.

И сделала я это в самый последний момент. Едва я успела запихнуть в багажник последнюю часть своего тела, как слышались какие-то шаги и голоса. Машина вздрогнула от стука захлопнувшихся с двух сторон дверцев, заурчал двигатель. Про дверцу багажника никто из наших убийц и не вспомнил, напрасно я лихорадочно сочиняла версию, почему мы забрались в их машину. И слава богу, потому что ничего более подходящего, чем: «Не подкинете ли нас до центра?» – мне в голову не приходило.

– А ты беспокоилась, – укоризненно шепнул мне Васька. Машина тронулась.

Ехали мы довольно долго, или мне только это показалось, потому что в темном багажнике время особенно тянулось. Приоткрыть крышку мы опасались – водители следовавших за нами машин могли обратить внимание на неполадку и сообщить о ней нашим пентюхам, и тогда уж точно мы были бы обнаружены. Наша поездка порой перемежалась остановками, во время которых наши подопечные покидали машину минут на пять. Никакой связи между этими остановками я не усматривала. Порой машина останавливалась в тихих местечках, где слышались детские голоса, а порой мимо нас сплошным потоком шли другие автомобили. Иногда мы оказывались в людных местах, а один раз вокруг нас раздались рыдания и заиграла соответствующая музыка.

После кладбища мы ехали довольно долго, и я уже начала беспокоиться, что мои скрюченные конечности окончательно окаменеют. Но тут мы неожиданно остановились. Судя по звукам, вокруг была огромная стройка. Осторожно выглянув в щелочку, я убедилась, что так оно и есть. Повсюду сновали рабочие, гудели землечерпалки и величественно проплывали стрелы подъемных кранов. Рассудив, что в такой обстановке вряд ли кто станет приглядываться к нашей машине, у всех и так дел по горло, мы осторожно приоткрыли крышку багажника.

Толстый и Лысый – такие клички мы им дали – стояли к

нам спиной и оживленно тыкали пальцами в чью-то белую «Волгу». Выглядела она не очень, и я не понимала, что в ней интересного. Разве что дымилась она весьма основательно? Но какое им дело до чужих машин? К тому же возле этой уже сустились несколько человек, одни разгоняли дым, другие деловито копались в ее внутренностях. Тем не менее наши убийцы не торопились уезжать, а, наоборот, подъехали поближе. После чего Лысый остался в машине, а Толстый неторопливо подошел к группе людей и встал рядом с явно заинтересованным видом. На него кто-то оглянулся, и он счел это достаточным поводом для начала разговора.

– Барахлит? – поинтересовался он.

Невысокий мужик, видимо, хозяин больной машины, бросил в его сторону сердитый взгляд, но, увидев за спиной Толстого родную сестру своей бедняжки, только с тонированными стеклами, подобрел и даже снизошел до ответа.

– Какая-то гнида вчера с утра крутилась возле нее, в результате – пожалуйста. Машина сломана. Вчера я еще на ней поездил по делам и сегодня до работы еще доехал, а сейчас попытался ее завести, раздался хлопок и повалил дым.

– Точно моя история! – воодушевился Толстый. – На прошлой неделе со мной приключилось то же самое. Нервов мне это стоило – пропасть. Машина у меня совсем новая, ездить я на ней совсем не ездил, но гарантийный срок уже вышел. Я как прикинул, во сколько мне обойдется ремонт, мне даже плохо стало. Отогнал я ее к мастерам, они посмотрели

и сказали, что мне всего-то карбюратор менять надо. А перед этим я ее другим работягам показывал, так они мне весь двигатель предлагали сменить. И сменили его всего за день и взяли недорого, я даже удивился.

– Хорошие, говоришь, мастера? – задумчиво спросил у него хозяин пострадавшей машины. – А как бы их найти?

– Где-то у меня телефон одного из них был, – похлопав себя по карманам, произнес Толстый. – Звони ему после десяти вечера или оставь сообщение на автоответчике, он тебе сам перезвонит, и вы насчет цены договоритесь. А пока ты можешь по другим мастерским позвонить, дешевле нигде не найдешь. Я тоже всех обзвонил прежде, чем на этих парней вышел. И сроки у других не приведи господь. Эти же за день сделают и за срочность ничего не возьмут.

– Точно сделают? – переспросил хозяин испорченной машины. – Мне по работе машина просто как воздух нужна. Если сделают, то меня даже цена особенно волновать не будет.

Наконец Толстый нашел номер разрекламированных мастеров, и хозяин машины тут же начал звонить по мобильнику, чтобы договориться о встрече. После этого Толстый с видом человека, бескорыстно совершившего доброе дело, вернулся в свою машину, и мы покатали дальше. Следующая остановка была на авторынке. Здесь наши красавцы исчезли надолго. Я уже была готова наплевать на все правила конспирации и вылезти из багажника хотя бы ради того, чтобы

распрямить спину. Появились наши клиенты в тот момент, когда я уже приоткрывала крышку багажника, и, разумеется, такое уж мое счастье, они это увидели.

Толстый с проворством, которого я от него никак не ожидала, метнулся к багажнику и распахнул его крышку. Не знаю, кого он там ожидал увидеть, но мы явно обманули его ожидания.

– Вы это чего? – поинтересовался он у нас, справившись наконец со своей отвисшей от удивления нижней челюстью. – Вам чего тут надо?

В это время мы с кряхтением пытались вылезти из багажника, но нам это плохо удавалось. Руки никак не желали цепляться, а ноги шевелиться.

– Смотри, какая хорошенькая! – обрадовался Лысый, который тоже подскочил к машине.

Я обрадовалась, что мою неземную красоту наконец кто-то оценил, и удвоила свои усилия. Хотелось вылезти целиком и уж тут-то окончательно потрясти ценителя прекрасного. Наконец я с жутким кряхтением перевалилась через бортик, на этом дело застопорилось. Распрямляться моя спина упорно не хотела. Пришлось распрощаться с мечтой, что в меня влюбятся с первого взгляда. А все это было бы так романтично! Один из них влюбляется в меня и все же убивает, потому что договоренность и обещанные деньги ему дороже, а потом всю жизнь страдает или тоже накладывает на себя руки. Но, увы, в таком состоянии я вряд ли могла вызвать у

кого-либо нежные чувства, лучше бы я оставалась в багажнике. Там я, по крайней мере, могла изображать из себя загадочную личность, путешествующую исключительно свернувшись калачиком. Подумаешь, может же быть у красивой девушки такой каприз! Все эти мысли промелькнули в моей голове, пока я стояла в позе буквы «Г» перед своими убийцами. Следом за мной вылез Васька, который по молодости лет чувствовал себя немного лучше.

– Не обращайтесь на нее внимание, – попросил он. – Она у нас ненормальная. Я ее сегодня из больницы забрал, врачи уверили, что ей получше. А сами видите, тут до выздоровления еще далеко. Мы проходили мимо, и только я отвернулся, как она шмыгнула в багажник вашей машины, пришлось мне лезть за ней и уговаривать, чтобы вылезала, а тут и вы подросли. Представляю, что вы о нас подумали...

– И что, совсем ненормальная? – упавшим голосом поинтересовался Лысый. – Никак не лечится?

– Никак! – заявил Вася. – Она еще сейчас тихая, а иногда на нее буйство находит. Тогда с ней и двум мужикам не справиться. Мы ее никуда не выпускаем, ведь покалечит кого-нибудь, а к ответу ее не призовешь, потому как ничего не соображает. Но иногда она у нас удирает и приходится ее по всему городу искать. Последний раз мы ее нашли с окровавленным ножом в руках, до сих пор не знаем, кого это она...

– Как таких выпускают, – недовольно пробормотал Толстый. – Ну и медики у нас.

После этого он сел в машину, Лысый грустно поглядел на меня в последний раз и тоже плюхнулся на сиденье. Я проводила их глазами и вдруг почувствовала, что вполне могу разогнуться. Ну надо же, нет чтобы минутой раньше, я бы этому Ваське все про него самого рассказала, а теперь уж поезд ушел. Впрочем, ушел он недалеко. Отъехав, наши убийцы остановились возле домика администрации и, посоветовавшись, зашли в него.

– Можно еще разок попытаться влезть к ним в багажник, – предложил Васька, тоже проследивший за машиной. – Багажник-то они так и не закрыли. Рты пораскрывали от изумления и про багажник забыли. Ловко я нас выручил?

Я в свою очередь открыла рот и издала нечленораздельный звук.

– И знаешь, что я заметил, – не дождавшись от меня благодарности, произнес Васька, – на водительском месте сидел Лысый. Стало быть, и машина принадлежит Лысому, чего же Толстый врал тем парням со стройки, что «Волга» его?

– Может, он у него шофером работает, – предположила я, но Васька высмеял мою версию.

– Где ты видела, чтобы у людей, которые ходят в тапочках, таких, что были у нашего дедушки, есть деньги на личного шофера, – сказал он.

– Однако машины покупать у него деньги есть, – возразила я, показывая на Толстого, который усаживался в немного помятую желтую «шестерку», которую он прикупил на рын-

ке.

Лысый сел за руль «Волги», и мимо нас проследовал кортеж из двух машин.

– И что нам теперь делать? – расстроился Вася. – Они уехали, и нам их не догнать. Предлагаешь вернуться к тем гаражам и подождать их?

Ничего такого я и не думала предлагать. Напротив, мне хотелось как можно скорее вернуться в наш палаточный городок.

– Ничего-то мы не узнали, – грустно признала я. – Только время потеряли, надеюсь, Андрею повезло больше.

Андрей сидел в гостях и чувствовал, что больше никогда в жизни в рот не возьмет домашней выпечки. При мысли же о чашке крепкого чая его просто начинало мутить. За последние два часа он выпил их столько, что противный чай булькал где-то в горле, а ломтики лимона плавали в нем и неприятно толкались. Булочки же осели на дне желудка совершенно неперевариваемым комом. Андрей сильно сомневался, что каким-то чудом сумеет довести до сознания словоохотливой старушки тот факт, что ему уже давно пора уходить. С другой стороны, он отлично понимал, что из-за всей этой плещущейся в нем жидкости сделать это будет не так-то просто.

Когда Андрей еще мог легко передвигаться, он обошел квартиру Суреныча вдоль и поперек и ничего предосуди-

тельное неприличных журналов в комнате Фимы не обнаружил. Надо было сразу после этого отправляться к входной двери, авось старушка выпустила бы его. Сейчас же Андрей уже всерьез подумывал о том, чтобы придушить старушку, ее спас звонок в дверь, который Фимина бабушка, впрочем, все равно не услышала.

– Звонят, – завопил Андрей в самое ухо старушке.

– Да, звон в ушах с самого утра, – подтвердила Фимина бабушка, авторитетно качая головой. – Это из-за давления.

– В дверь звонят, – продолжал надрываться Андрей.

– Дверь у нас замечательная, сын ставил. С двух сторон обита железом, а замков видел сколько? Я за такой дверью как в сейфе. Никто без моего желания войти не сможет. Хочешь еще чайку?

Взвыв в полный голос, Андрей заковылял в прихожую. В дверь буквально ломились, она дрожала, а все замки дребезжали и звякали.

– Тетя, откройте! – донеслось с той стороны.

Андрей похолодел, это был Суреныч, его голос Андрей отличил бы из тысячи.

– Кто-то пришел? – удивилась бабушка Фимы, неожиданно возникшая в дверях с полным подносом дымящихся булочек.

– Нет, нет, – пролепетал Андрей и отчаянно затряс головой.

– Ты заснула там? – вопрошал расстроенный Суреныч, за

собственными криками не слыша голосов из квартиры. — Я сейчас дверь сломаю.

— Ну и хорошо, — одобрила бабушка. — А то я уж думала, может, сын вернулся, а может, еще и племянник. Посмотреть, что ли, а то мне как-то тревожно? Слышу-то я плохо.

Андрей понял, что если он сейчас же не отвлечет внимание старушки, то она и в самом деле может выглянуть за дверь. А встречаться с Суренычем Андрею не хотелось. Вдохнув побольше воздуха, он мужественно шагнул к бабушке и, зажмурившись, протянул руку к крайней булочке на ее подносе. Затем под пристальным взглядом старушки начал запихивать в рот одну за другой горячую сдобу, чувствуя себя самым несчастным человеком на свете.

Наконец крики за дверью смолкли, видимо, Суреныч устал. Андрей понял, что настал его час. Поднявшись с места, он мигом оказался у двери. Предварительно оглядев в глазок площадку, Андрей отпер дверь и бросился вон из квартиры. К сожалению, в глазок он не заметил притаившегося на коврикe кота, который, видимо, пришел в гости к бабушкиному. Споткнувшись о несчастное животное, Андрей полетел вперед, угодив головой прямо в колено поднимавшегося слесаря, которого притащил Суреныч. От неожиданности слесарь взмахнул руками и стукнул чемоданчиком с инструментами шедшего за ним Суреныча по лбу. Послышался глухой звук, словно в дерево вогнали гвоздь. Слесарь, не удержавшись на ногах, попытался ухватиться за Суреныча.

Это была его ошибка, так как последний сам стоял на ногах только потому, что не решил, в какую сторону ему падать. Слесарь эту проблему решил, и на Андрея, переполненного чаем и набитого булочками, свалились два рослых и упитанных мужчины, окончательно лишив парня возможности спастись.

Всю эту картину безмолвно наблюдала Фиминая бабушка, словно окаменевшая на пороге своей квартиры. Первым пошевелился слесарь. Он поднял голову и заныл:

– Поможет мне кто-нибудь или нет?

Бабушка и без слухового аппарата как-то догадалась, что от нее требуется, и попыталась стащить со слесаря своего долгожданного родственника. Увы, сил у старушки на это не хватило. Однако она все же потревожила несчастного Андрея, который с ужасом почувствовал, что содержимое его желудка окончательно решило с ним расстаться и стремительно двинулось к горлу... От избытка всевозможных чувств он дернул ногой и случайно сшиб бабушку, которая рухнула на Суреныча, увеличив кучу-малу.

– Ну и денек сегодня, – послышался мужской голос, и внезапно Андрею стало легче дышать.

До конца не веря своему счастью, Андрей поднялся на четвереньки и таким способом двинулся прочь. Лишь миновав два лестничных пролета, он решился принять вертикальное положение и, наконец приняв его, помчался со всей доступной наглотававшемуся орехов гусю скоростью.

К палаточному городку мы с Васькой подъехали уже ближе к вечеру. Целый день мы угробили по требованию Васи на дежурство в гараже, куда привел нас утром Суреныч. Лысый и Толстый там так и не появились, чему я была даже рада, потому что не представляла, как они отреагируют на наше появление. В общем, целый день я промучилась, но Васька был неумолим. Оставить же его одного мне не позволяла моя сестринская любовь к нему. И лишь когда стало вечереть, мое терпение лопнуло и я потребовала от Васьки перестать валять дурака. Как ни странно, он согласился.

Возле нашей палатки мы увидели горестно сгорбившегося Андрея, который с явным отвращением чистил огромную рыбу.

– Как успехи? – вяло поинтересовался он у нас.

Андрей оживился, только когда мы мимоходом описали наших предполагаемых убийц.

– Говорите, что один маленький и лысый, а другой толстый и носатый? – переспросил он. – А машина, которую они купили, была желтая с помятой дверцей?

– Да, – подтвердил Васька. – А ты их тоже видел?

– Кажется, да, – неуверенно кивнул Андрей.

– Как это «кажется»? – удивилась я. – Либо ты их видел, либо нет.

– Не до того мне было, – рявкнул Андрей. – Ты бы тоже не стала по сторонам глазеть, если бы на тебя Суреныч сва-

лился.

Мы с Васькой потрясенно молчали.

– А Фима знает? – нерешительно произнес Вася.

– Что знает? – раздраженно спросил Андрей. – Он же здесь оставался, Суреныч один в город ездил, что вы, сами не знаете?

Андрей явно пребывал в скверном расположении духа. По собственному опыту зная, что подобное настроение у мужчин обычно вызывает голод, я участливо спросила:

– Ты, должно быть, хочешь есть? Сейчас я тебя покормлю. По дороге мы купили булочек с изюмом, хочешь?

Реакция Андрея меня всерьез озадачила, он метнул на пакет откровенно ненавидящий взгляд, вышиб его из моих рук и стал с яростью топтать ногами. Завершив последнее па, окончательно похоронившее булочки в песке, он торжествующе поглядел на нас. Потом как ни в чем не бывало сказал:

– Я забыл вас предупредить, что в этой жизни я ненавижу всего две вещи: выпечку и чай. Пообещайте, что никогда в ближайшие несколько лет не будете ни предлагать их мне, ни даже упоминать об их существовании.

Мы с Васькой, напуганные его реакцией, охотно пообещали, и мир был восстановлен.

– Значит, теперь надо ждать визита ваших убийц? – поинтересовался Андрей.

Мне его хладнокровие показалось даже обидным. Ну конечно, если бы собирались пришить его самого, он бы так

спокойно тут не рассиживался. Наверняка поднял бы на ноги всю милицию, требуя себе охрану. При мысли о милиции на душе как-то потеплело. Ругаем мы ее, родимую, а как прижмет, все равно бежим к ней за помощью. Больше-то некуда.

– Если убийцы приедут, то, конечно, ночью, это их любимое время суток, – продолжал рассуждать совершенно бесчувственный Андрей. – Надо их подкараулить и расправиться с ними.

– И как ты себе это представляешь? – поинтересовался у него Васька.

– Очень просто! – отбрасывая в сторону рыбу, воскликнул Андрей. – Дорога тут всего одна. Мы разбросаем много гвоздей и битого стекла на дороге и прикроем их чем-нибудь, а сами спрячемся за кустами, что растут вдоль дороги. А когда увидим машину ваших убийц, сдернем покрывало, и покрышкам вражеской машины придет конец.

– И что им помешает добраться до нас пешком? – ехидно поинтересовалась я. – И вообще, как мы в темноте увидим, что это именно та машина?

– А что ты предлагаешь? – обиделся Андрей.

– Для начала я предлагаю перебраться на эту ночь в другое место. Суреныч мог описать им наш ночлег, а мы возьмем и переедем. Тогда они нас не найдут.

– Ладно, – вяло согласился Андрей. – Это тоже план.

И мы пошли искать желающих обменяться с нами на эту ночь домиками. Дело это было не простым, так как в канди-

даты годились только люди неприятные – их было бы не жалко, в случае если убийцы, спутав их с нами, убили. Однако все неприятные люди не понятно почему цеплялись за свои домики и никак не хотели войти в наше положение. Впрочем, на то они и были неприятными.

– Придется переехать в палатку, – констатировал Андрей. – Хорошо хоть дождь прекратился. Пошли выберем место поприличнее.

Блуждая по палаточному городку, мы наткнулись на Суреныча. При виде него мы все трое побледнели и попытались скрыться. Но не тут-то было. Суреныч, напротив, был в приподнятом настроении и в руках держал нечто напоминавшее букет.

– Ребята, зовите своих родителей, – воскликнул он. – Я приглашаю вас к себе. Есть что обмыть.

Мы молча уставились на него, потом Васька понимающе заулыбался.

– Какой негодяй, – прошептал мне на ухо Андрей. – Вас же еще и приглашает. Можно сказать, на собственных поминках побываете.

– А что же все-таки будем отмечать? – спросила я.

– Потом узнаете, – таинственно произнес Суреныч.

Тут он увидел мою маму, которая благодаря своим пышным формам пользовалась его повышенным вниманием, и устремился к ней.

– Гад он все-таки! – с чувством произнес Васька ему

вслед. — У меня от злости даже аппетит разыгрался. Пошли хоть поужинаем, кто знает, может, в последний раз.

Зоя налила нам по тарелке умопомрачительно вкусной золотистой ухи и дала по куску жареной рыбы, обильно посыпанной зеленью.

— Вечернего улова, — похвасталась она. — Утренняя рыба, которую Слава купил у рыбаков, тоже была хороша, но с этой не сравнить. — А еще остался кусок курицы, хотите?

Я запихнула в рот огромный сочный кусок вкусно пахнущей рыбы, и тут мои глаза просто вылезли на лоб. Нет, рыба тут была ни при чем, просто возле меня неожиданно возник Суреныч и вкрадчиво поинтересовался, не ужинаем ли мы случайно.

— Какая славная рыба, — хищно глядя в мою тарелку, заметил он. — И курица! Можно?

И, не дожидаясь разрешения, протянув руки, схватил в одну кусок курицы, а в другую — кусок рыбы из утреннего улова, который так нахваливала Зоя. Тетка сделала движение, словно хотела помешать ему, но вовремя вспомнила о правилах вежливости и не стала препятствовать гостю. Суреныч проворно сожрал этот кусок и потянул всю миску на себя.

— На здоровье, — кисло промямлила Зоя.

Я наконец справилась со своей порцией, родственники тоже. Теперь ничто нам не мешало наблюдать, как Суреныч лопаёт нашу рыбу и нахваливает самого себя. Мама гипно-

тизировала взглядом Зою, призывая ее сделать хоть что-нибудь, но тетка только беспомощно разводила руками. Единственный, кто извлек пользу из ситуации, был Васька. Пользуясь благодушным настроением Суреныча, он выпросил у него на завтра его надувную лодку. Наконец Суреныч отставил опустевшую миску и повторил свое приглашение прийти к нему завтра в гости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.